

Мария Синягина

ЭЛЕКТРОННАЯ
БУКВА 2022 📖

ЛОНГ-ЛИСТ

ЛитРес:

*Ангел любит
лишь тебя*

Мария Синягина

Ангел любит лишь тебя

«Автор»

2021

Синягина М.

Ангел любит лишь тебя / М. Синягина — «Автор», 2021

Если ты молода и красива, носи мини-юбки, танцуй и веселись — так считает взбалмошная, разбитная Галя. Но ее подруга Юлиана другая. Спокойная и замкнутая, она предпочитает в одиночестве пить чай на кухне, пока Галка развлекается на очередной вечеринке. Однажды девушки знакомятся с Василием Поздняковым и Славой Абrikосовым — машинистами из железнодорожного депо. Вскоре Галя получает странное СМС-сообщение с угрозами, а еще через несколько дней Василия находят убитым около локомотива. Кто мог желать смерти улыбчивому железнодорожнику? Это месть за профессиональную деятельность? Или всему виной любовь? Юлиана, Галя и Слава решают сами вычислить убийцу, не подозревая, что цена такого рвения может быть очень высока, ведь на этом опасном пути их ждут чужие тайны и неожиданные встречи с прошлым. Автор Мария Синягина@sinyagina_mariya_writer

© Синягина М., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Мария Синягина

Ангел любит лишь тебя

Когда на сердце камень – тяжело.

Но разве легче, если сердце – камень?..

Юрий Воронов. Память

Глава 1

«Чувствую себя бездомной собакой, которую только что пнули под зад. Впрочем, как всегда. Глядя на меня, вы, конечно, об этом не догадаетесь. Я Юлиана, обычная двадцатисемилетняя девушка. Работаю менеджером – продаю холодильное оборудование. Симпатичная, в меру ухоженная. Но ведь не зря говорят, что внешность обманчива. Внутри я надломлена, одинока, я всегда настороже. Я хорошо умею прятаться, чувствую опасность за километр и никогда не подпущу к себе чужого. Вам жалко меня? Не стоит, я уже привыкла. Сегодня почему-то мне особенно тревожно. И повода вроде нет, жизнь идет своим чередом, но что-то так и тянет оглянуться и проверить, все ли в порядке».

– Чего такая хмурая?

«Этот охранник никогда не упускает шанса со мной заговорить. Каждый раз одно и то же – прибауточки, заигрывания. Он даже не подозревает, что любая его шутка для меня испытание. Ну не люблю я такие разговоры, теряюсь и не знаю, что ответить. И чаще всего жду не шутки, а замечания или выговора. И от охранника, и от уборщицы, и даже от коллег по офису. Никак не могу привыкнуть к тому, что со мной уже давно так не разговаривают. Все мои страхи родом из детства, когда... а впрочем, лучше не вспоминать – до сих пор слишком больно».

Юлиана приложила пластиковую капельку к турникету, и загорелась зеленая стрелка – путь домой свободен, выходные начались.

– Холодно там, – ответила девушка, кивнув в сторону улицы.

– Так оставайся, здесь тепло! – хмыкнул охранник.

Юлиана сдержанно улыбнулась и, уже выходя за дверь в студеной февральский вечер, проговорила:

– До свиданья!

Она включила наушники, и в ушах голосом Макаревича зашуршала «Машина времени». Морозный воздух забрался под шарф и принялся выстуживать пуховик. Девушка медленно шла по оживленной улице, освещенной вывесками, и думала о своем.

Там вокруг такая тишина,

Что вовек не снилась нам.

И за этой тишиной, как за стеной,

Хватит места нам с тобой...

«Интересно, а где мое место, мой дом, в котором тихо, тепло и безопасно? Явно не здесь, на окраине Москвы, где мы с Галкой снимаем убогую обшарпанную однушку. В подъезде всегда воняет. Котами, застарелым куревом и сыростью. На стенах разводы, на лестнице мусор. В темном предбаннике никогда не горит свет. Скверное местечко. Никто в здравом уме не захочет тут жить. Но мы согласились – потому что это самый недорогой вариант из всех, что нам удалось найти».

Дверь, ведущая в подъезд старенькой «хрущевки», захлопнулась, замыкая пространство и создавая иллюзию безопасности.

– Ходят и ходят, – слышалось из-за соседской двери, – постоянные гулянки! Власть на них нет! Полиции!

В одной руке Юлиана держала тяжелый пакет из овощной палатки, очень кстати расположившейся прямо под их окнами, другой пыталась открыть дверь в квартиру. Оттуда слышалась веселая громкая музыка, которая многократно усилилась, как только девушка справилась с замком и толкнула дверь.

– Юля, привет! А у нас тут вечеринка, – темноволосая кареглазая Галка Королёва с порога окатила ее волной слащавых духов.

– Опять новые люди, Галь! Тебе не надоело? Соседи вон жалуются... – Юлиана бросила сумку на пол и принялась стягивать куртку.

– Да ну их, соседей! Они всегда жалуются, в мою жизнь лезут, потому что своей у них нет! – беззаботно отмахнулась подруга. – Ты присмотришься вон к тому мальчику, светленький такой, зовут Василий, – Королёва мечтательно посмотрела в сторону компании из трех мужчин, – я бы его себе взяла, но...

– Вот и забирай себе своего Василия, – буркнула Юлиана, бросив неприязненный взгляд на незнакомых людей.

– ...для тебя мне ничего не жалко, – спокойно продолжила девушка, как будто ее не перебивали.

– Я пойду чаю налью, на работе целый день дурдом какой-то, – пожаловалась Юлиана, в глубине души надеясь, что подруга про нее забудет, увлекшись очередным кавалером. Королёва звонко хохотнула, больно ткнула ее в бок и спросила:

– Что, все разом захотели холодильников закупить?

Юлиана вздохнула и не ответила.

– Иди, иди за чаем, только вернуться не забудь! – проницательно заметила Галка.

Юля прошла через небольшой коридор и оказалась в тесной прокуренной кухне. Маленький стол был покрыт грязной клеенчатой скатертью, пол усыпан крошками, по углам примостились бутылки из-под выпивки. Венчала прекрасную картину раковина, полная грязной посуды. За столом двое молодых людей что-то увлеченно обсуждали.

– Ну здравствуйте, дорогие мои друзья, – насмешливо произнесла Юлиана.

Гости опасливо посмотрели на девушку, ожидая продолжения, но она молчала.

– Здравствуй, – наконец вежливо поздоровался один из них, – а вам чего?

– Мне чаю, – спокойно ответила Юлиана, – и желательно в одиночестве и тишине. А вам?

– А что нам? – не понял парнишка.

– А вам я предлагаю быстренько свернуть свой спор и отправиться курить на лестницу, а еще лучше на улицу.

Дверь за спорщиками осторожно закрылась, Юлиана улыбнулась и потянула на себя скрипучую оконную створку. Ломтик луны, словно подвешенный на гвоздике, усмехнулся ей. Холодный февральский ветер зашумел и зашевелил занавески, унося с собой тепло, табачный дым и запах перегара, оставленный философски настроенными собеседниками.

Юлиана достала закопченный зеленый чайник, вылила из него остатки воды с кусочками накипи в раковину, нацедила воды из фильтра и включила газ.

«Да, это не мой дом. Но это место, куда я могу возвращаться каждый вечер. И как, черт побери, хорошо, что оно у меня есть».

Спустя несколько секунд в кухню вихрем внеслась Королёва. Она критически оглядела обстановку, сдунула с лица мешающуюся завитую прядь и требовательно спросила:

– Юлька, а где мальчики? Ну, которые сидели здесь...

Юлиана ответила ей раздраженным взглядом. Галка отмахнулась:

– Ай, ладно тебе. Ну что, ты готова?

– Я только чайник поставила. Галь, может, сегодня без меня, а? – недовольно произнесла Юлиана. Королёва сочувственно посмотрела на подругу:

– Ты слишком себя жалеешь! За личное счастье надо бороться, и мы с тобой...

– ...его поборем, – закончила Юлиана и добавила:

– Галь, давай потом, ну пожалуйста?

– У тебя каждый день потом и каждый день не сегодня! – Королёва задорно улыбнулась и подмигнула.

– А у тебя каждый день сегодня, – вздохнула Юлиана.

– Пусть так, но зато я не цепляюсь за прошлое, а смело смотрю в будущее, – Королёва посерьезнела, выжидательно уставилась на подругу.

– Если ты про Артема, то сейчас я точно не хочу это обсуждать, – Юлиана налила кипятка в большую стеклянную чашку и раздраженно бухнула чайник на плиту. Чайный пакетик лениво всплыл, оставляя за собой коричневый след.

Галка пожалала плечами. Мол, не вижу никаких проблем. В этом вся она. Какие проблемы? Нет проблем. Никаких вопросов, только ответы.

– Юлька, ты так пострадала из-за той истории, поэтому ты должна забыть его и идти дальше! – Галка решительно махнула шевелюрой и закрыла окно. Юлиана взяла чайный пакетик за этикетку и осторожно за него потянула. Вода вмиг потемнела, приобретая однородный темно-янтарный цвет.

«Пострадала, конечно, не то слово, – подумала Юлиана, – с тех пор, как Артем ушел, моя личная жизнь пошла наперекосяк. Я никому не доверяю – боюсь предательства, боюсь, что мне снова сделают больно. Я одинока и уже почти смирилась с этим. И даже почти забыла Артема. Но недавно он снова объявился».

– Галя, я выучила каждое слово, которое ты собираешься мне сейчас сказать! – Юлиана начала сердиться. – Прошу тебя, не трогай меня хоть сегодня!

– Поняла, поняла, все, молчу! – Галя повернулась к Юлиане, примирительно взяла ее за плечи и немного встряхнула. – Не злись, ты же понимаешь, что я за тебя волнуюсь.

– Все, Галя, все! Больше ни слова! Если хочешь, зови своих кавалеров, только отстань от меня, ради всего святого!

Королёва довольно улыбнулась, и Юлиана поймала себя на мысли, что Галка затеяла этот разговор совсем с другой целью. Собственно, которой в итоге и добилась.

Впрочем, эта вечеринка была не так уж и плоха. Компания подобралась гармоничная, лишние экземпляры быстро отсеялись. Юлиана смирилась с тем, что Королёва от нее не отстанет, и расслабилась. Тревожные мысли не исчезли, но словно померкли, отступили на задний план.

Около двенадцати сквозь оружие динамики неотчетливо послышался какой-то звук.

– Галя, к нам, кажется, стучат! Выключите кто-нибудь музыку.

Светловолосый коренастый Василий оторвался от Королёвой, с которой танцевал весь вечер, и метнулся к компьютеру, чтобы выключить плеер. На мгновение стало тихо. Еще секунда безмолвия, и все вздрогнули от настойчивого, беспокойного стука в дверь.

– Кто это может быть?

– Может, соседи? Проверьте, мы никого не заливаем?

– Надо посмотреть, кто это. Вася, иди вперед!

Вся компания опасливо двинулась к двери. Галка подошла к ней вплотную, с любопытством посмотрела в глазок, а потом повернулась к друзьям и прошептала:

– По-моему, мы встряли.

Оказалось, что в подъезде, где девушки снимали квартиру, живут не столь терпеливые соседи, как представляла себе Королёва, устраивая регулярные вечеринки с громкой музыкой, случайными гостями и обильной выпивкой. И собственная жизнь у соседей имела, и ее, как ни странно, они готовы были защищать.

Озверев от грохочущей музыки и танцевального топота, соседи вызвали полицейских. Те приехали и проверили у всех паспорта. А еще попросили подтвердить, что ребята имеют право

находиться в квартире. Юлиана тщетно искала договор аренды до тех пор, пока притихшая Королёва не призналась в том, что выкинула его, посчитав, что раз квартиру девушкам сдали, то больше документ им не понадобится. До хозяйки дозвониться не удалось, она упорно не подходила к телефону. Юлиана попыталась все спокойно объяснить, но один из гостей начал качать права, случайно толкнул полицейского, и вскоре вся компания оказалась в отделении.

В полицейском участке парней сразу же куда-то увели. Юлиана с Галей остались в помещении, разделенном крупной решеткой на две части. По другую сторону решетки за обшарпанным столом сидел молоденький худощавый полицейский. У него были большие черные глаза, обрамленные густыми длинными ресницами. Он сидел очень ровно, внимательно вглядывался в монитор, своим серьезным видом демонстрируя, что ни на какие провокации не поддастся. Галка сначала болтала, не останавливаясь, шутила, громко смеялась и весело упрашивала их отпустить. Когда Королёва поняла, что ее обаяние не работает, то замолчала.казалось, девушка просто устала, но Юлиана видела, что подруга в растерянности.

Спустя пару часов утомительного сидения на жесткой лавке Юлиана услышала пронзительный звук – на столе зазвонил телефон. Полицейский внимательно выслушал собеседника, кивнул и повесил трубку. После чего встал из-за стола и направился напрямик к девушкам. Юлиана толкнула локтем задремавшую Галку. Та сонными глазами уставилась на него и спросила:

– Что случилось?

Полицейский окинул их строгим взглядом и коротко приказал:

– На выход.

– Мы можем идти? Нас отпускают? – уточнила Юлиана.

Их немногословный охранник распахнул решетчатую калитку и указал на дверь:

– Идите, документы вам в дежурной части отдадут.

Девушек долго упрашивать не пришлось. Василий ждал их на улице у входа в отделение, рядом с ним стояла женщина в классическом черном пальто длиной чуть ниже колен. На шее незнакомки был повязан теплый вязаный шарф, короткие темные волосы на непокрытой голове лежали так, словно их только что расчесали. Идеально вычищенные ботинки блестели даже при ночном скудном освещении.

– Вася, ты здесь! – обрадовалась Галя, – нас отпустили! Только я не поняла почему. И где остальные?

– Все уехали, – отозвался Василий. – Девочки, познакомьтесь. Это Регина, мой друг, и это она нас спасла. Задействовала связи и талант убеждения.

Женщина повернулась, и в желтом отблеске фонаря Юлиана увидела лицо незнакомки. Лет сорока или чуть больше, она выглядела ухоженной и даже элегантной. Серьезная, не улыбающаяся, к такой просто так не подойдешь. Василий смотрел на нее нежно, с любовью.

– Спасибо, дорогая, что приехала.

Он обнял женщину и крепко поцеловал в щеку. Регина отстранилась, скупой улыбнулся присутствующим, а затем протянула руку для приветствия.

– Рада знакомству. Регина.

– Юлиана, – произнесла девушка, отвечая на необычно крепкое рукопожатие, – спасибо вам.

– Галина, – Королёва тоже пожала руку новой знакомой и пододвинулась к Василию поближе. – Ну, что будем делать?

– Надо разъезжаться по домам, уже поздно, – ответил Вася. – Видимо, придется вызывать такси, а то метро закрыто, да и электрички уже не ходят.

– Глупости, я тебя никуда не отпущу, – запротестовала Королёва, – лучше ты у нас переночуешь, а утром поедешь.

После недолгих препирательств решили выйти на проспект и вызвать такси, которое отвезет домой Юлиану, Галку и Василия, а затем доставит Регину. Ребята были довольны, что их так быстро выпустили и не стали ничего оформлять. Они шли в сторону центральной улицы, подальше от злополучного отделения. Юлиана устало молчала, утреннее непонятное ощущение тревоги вновь подступило и обвило горло сжимающимся кольцом.

«Я ведь чувствовала: что-то должно случиться, – раздраженно думала она, – и все равно пошла у Галки на поводу. Хотя что я могла сделать, ведь Королёву в ее порывах хрен остано- вишь!»

Галка болтала без умолку и прижималась к Васе все теснее. Василий тоже был возбужден, он обнимал Королёву за талию и поминутно благодарил Регину. Их спасительница держалась сдержанно, только пожимала плечами, когда речь заходила о ней. Наконец компания вышла на проспект, и Василий взялся заказывать такси.

– Через пять минут приедет, белый «рено», – Вася убрал телефон в карман и вновь обратился к Регине, – хочу сказать тебе еще раз спасибо. Даже не представляешь, как ты нас выручила.

Он вновь крепко обнял ее и держал, пока смущенная Регина не высвободилась, чтобы отойти к стенду с афишами концертных программ. Вася приблизился к Юлиане, которая на краю тротуара высматривала такси. Метрах в ста от них стоял белый седан с включенными фарами.

– Как думаешь, это не он? – спросила она Василия.

– Он бы подъехал сюда, – возразил он, – у меня геолокация включена.

Внезапно автомобиль сорвался с места и полетел прямо на них. Юлиана испугалась и сделала шаг назад, чтобы уйти от удара, но в этот момент машина вильнула вправо, и девушка, почувствовав резкую боль, повалилась на землю. Закричала Королёва. Регина бросилась к Юлиане. Василий тоже упал, но быстро вскочил на ноги и уставился вслед странному автомобилю.

– Черт, – ругнулся он, – быстро уехал. Кто-нибудь увидел номер?

– Юлиана, ты как? – заволновалась Регина, – Он тебя зацепил? Встать сама сможешь?

– Попробую, – ответила Юлиана, ощупывая ногу. – Он так внезапно сорвался, можно подумать, что специально на нас ехал. Надо позвонить в полицию.

– Не знаю, как ты, – упрямо возразила Галка, – но я с полицией больше никаких дел иметь не хочу. Тем более что номер мы не сможем назвать – кого они искать будут? Белую машину неизвестной марки с невидимым номером?

– Галя права, – сказала Регина, – никаких шансов, что его найдут, нет. Сейчас главное, чтобы с твоей ногой было все в порядке. Может, скорую вызвать?

Но Юлиана уже поднималась.

– Кажется, я могу медленно идти. Вон такси, поехали домой.

Утром объявилась хозяйка квартиры. Дама лет шестидесяти, неопрятная и неприветливая, такая же, как и «однушка», которую она сдавала. Женщина заявила, что аморального поведения жильцов она терпеть не намерена. Что на девушек и так поступало много жалоб от соседей, а вчерашнее происшествие она считает последней каплей.

– Даю вам три дня, чтобы освободить квартиру, – сказала она, – залог верну, если уберете все говно, которое вы сюда натащали, – в этот момент она картинно обвела кухню взглядом, немного задержавшись на Василии.

– Что же нам теперь делать? – Галка демонстративно взялась за голову и запричитала. Юлиана подозревала, что этот концерт Галя давала специально для Василия.

«Вот же Галка, – раздраженно думала Юлиана, – даже в такой ситуации не может не думать о мужиках. Жить-то нам и правда негде. Денег нет, друзей, у которых можно перекантоваться, тоже. Если хозяйка вернет залог, то можно наскрести на один месяц проживания. Хотя арендодатели теперь ушлые – требуют не только предоплату за первый месяц, но и залог, которым очень удобно шантажировать жильцов. А еще ведь есть риелторы, они как мухи на навоз слетаются, если чуют сделку. Риелтор захочет не менее пятьдесят процентов за свои услуги. То есть нам нужна сумма, которая покроет минимум два с половиной месяца аренды, а через месяц нужно будет оплатить следующий период, и так каждый раз».

При этих мыслях Юлиана сама еле удержалась, чтобы, подобно Королёвой, не запричитывать. Нога за ночь сильно опухла, на бедре образовался огромный лиловый синяк. Девушке было больно и очень жалко себя.

«Так, успокойся, – приказала себе Юлиана, – соберись и думай! От твоих соплей ничего не изменится, а воздух сотрясать впустую – только силы тратить!»

– У меня есть вариант, – тихо предложил Василий.

– Правда?! – Галка подняла на него сухие удивленные глаза, которые минуту назад усиленно терла, изображая нечеловеческие страдания.

– Да, – ответил парень. – Только это не Москва...

– В область я не поеду, – в отчаянии закричала Юлиана.

– Подожди, Юль, – отмахнулась Галка, – давай слушаем человека!

– На самом деле ничего страшного в ближнем Подмоскowie нет, – улыбнулся Василий. – До метро на электричке ехать всего пятнадцать минут.

– А что за квартира?

– Трехкомнатная, с ремонтом, кухня большая, не то что у вас здесь – спичечный коробок.

– Извини, Василий, – скептически прервала его Юлиана, – но на трешку у нас даже без ремонта и в дальнем Подмоскowie денег не хватит!

– Юлиана, ты меня до конца сначала дослушай, а уж потом будешь возражать!

– Да, подруга, ты дослушай сначала, – поддакнула приятелю Королёва. Юле сразу захотелось чем-нибудь ее треснуть. Надо же быть такой беспечной!

Удивительно, что девушки, которые большую часть жизни прожили под одной крышей детского дома, выросли совершенно разными. Галка – бесшабашная и доверчивая, постоянно ищущая приключений и развлечений. Ее главная цель – «осесть при мужике», как она выражалась, то есть удачно выйти замуж. Желательно за москвича, с квартирой, машиной, но обязательно без детей. «Детей я и сама ему нарожаю, сколько потребуется, а, может, еще и больше, чтоб не удрал», – оживленно планировала подруга. Она никогда не унывала, из очередного романа выходила легко и беззаботно. Не получилось в этот раз? Ничего! Вон сколько мужиков вокруг ходит, успевай только ловить.

Юлиана же выросла молчаливой, вдумчивой, остро переживающей каждое событие в своей жизни. Она трудно сходилась с людьми, боялась привязанностей и никого к себе не подпускала.

– Подожди, – остановил Галя Василий, – снимать квартиру целиком я вам не предлагаю, только комнату в ней.

– А кто живет в остальных двух комнатах? – у Королёвой наконец-то мозги начали работать в нужном направлении. Хоть вопросы по существу стала задавать, а не только поддакивать.

– Я и мой друг, – просто ответил мужчина.

У Галки загорелись глаза.

– Расскажи, чем ты занимаешься? И кто твой коллега? – поинтересовалась Галя.

Юлиана потерла ушибленную ногу и тяжело вздохнула. Определенно, рано она понадеялась на Галкины мозги, они в любом случае настроены на одну единственную волну.

– Я машинист локомотива, но по совместительству подрабатываю маньяком.

Галка заржала как ненормальная. Юлиана тоже улыбнулась. Похоже, выбора у них действительно нет, придется принимать предложение улыбочивого машиниста.

Следующие два дня прошли как в тумане. Девушки паковали коробки, утрамбовывали сумки, постоянно удивляясь, как много оказалось у них имущества. Василий взял на себя часть хлопот, связанных с переездом. Его друг Слава Абрикосов, некрасивый парень с крупными чертами лица и длинными кудрявыми волосами, стянутыми сзади резинкой, тоже вызвался помочь. В воскресенье утром девушки сдали хозяйке ключи от квартиры, загрузили пожитки в старенький Славин «гольф» и тронулись в новую жизнь.

Вечером они вчетвером сидели в просторной кухне и пили кофе, который сварила Юлиана в небольшой кастрюльке – турка была слишком мала, чтобы напоить компанию из четырех человек.

– Может, коньячку к кофе, а, девушки? – весело спросил Слава. – У меня как раз початая бутылочка имеется.

– А что, насчет коньяка идея-то богатая! – Галкины глаза заблестели. – Давай, Слава, действуй, я пока закусон соображу.

– Ого, вечерок перестает быть томным, – Слава засмеялся и сделал круглые глаза.

Его лицо при этом стало еще более некрасивым, если не сказать уродливым. Юлиана целый день удивлялась, как уверенно и независимо Слава себя ведет. Из-за этой уверенности перестаешь даже испытывать первоначальную неловкость от его своеобразной внешности.

– Ладно, ребята, – Юлиана с трудом подавила зевок и поднялась, – я пойду немного отдохну, а то завтра на работу не встану.

Она быстро сполоснула чашку и отправилась в комнату, в которой им с Галкой предстояло жить. Надо привыкать снова. Еще один переезд, еще один чужой дом в череде остальных. Места постоянно менялись с тех самых пор, как пятигодовалую Юлиану забрали из родительского дома – единственного, который она по праву могла назвать своим. Дом, где ей было хорошо с мамой, папой, сестрой и огромным рыжим котом – ее котом. В детском доме тоже водились животные – крысы, морские свинки, кролики, шиншиллы, рыбки, черепахи. За ними ухаживали, их кормили и поили. Однако Юлиана четко осознавала (откуда только в ее возрасте взялось это понимание) – эти животные не ее. Они вообще ничьи, так же, как и другие жители этого заведения – дети.

Юля прислонилась к дверному косяку и огляделась. Небольшая комната с розовыми цветами на стенах.

«Красивые обои, я бы тоже такие выбрала, если бы у меня был собственный дом. Но, видимо, потому, что здесь опять все решено за меня, они кажутся чужими, казенными».

Одна большая кровать – ничего, с Галкой можно и вместе поспать, встроенный шкаф, стол, кресло и пара стульев. На тумбочке напротив примостился пузатый телевизор, накрытый кружевной салфеткой. Девушка устало присела на край кровати и достала телефон, весь день пролежавший в сумке. Экран заморгал непрочитанными сообщениями. Конечно, это Артем.

«Спокойно, девочка, – строго сказала себе Юлиана, – ты ему ничего не должна».

Однако молчать было невыносимо. Юлиана открыла мессенджер и ввела сообщение в ответ. Потом стерла его, затем опять стала набирать символы. Выключила телефон. Снова включила и уставилась на собственное сообщение, размышляя, отправить его или нет. Стерла. В конце концов, разозлившись окончательно, девушка забросила телефон обратно в сумку, погасила верхний свет, оставив неяркий бра над кроватью, и достала из дорожной сумки, куда она во время сборов засунула самые необходимые вещи, маленькую плюшевую собачку. Поролон вылезал из швов, пластиковые глаза почти оторвались, а ленточка, некогда обвивавшая

шею игрушки, была кем-то срезана – Юлиана уже и не помнила почему. Она свернулась на кровати калачиком, сжала собаку в кулачке и прикрыла глаза. Мягкий потрепанный плюш приятно согревал руку. Игрушка, подарок Артема, была с ней всегда, она напоминала о самом счастливом времени, когда она впервые по-настоящему кому-то доверилась. И в тот же момент она предостерегала, настаивала: «Никому больше не верь!»

В комнату тихо прошмыгнула Галка.

– Еще не спишь? Время час! – возмутилась подруга.

– Ты ведь тоже не спишь, – резонно заметила Юлиана, – вы там уже закончили?

– Нет, мы еще посидим, – смешалась Королёва, – а ты не жди меня, свет выключай и ложись.

«Поразительное зрелище – смущенная Королёва», – отметила про себя Юлиана, но вслух пообещала:

– Скоро выключу.

Галка задержала взгляд на руке подруги, сжимавшей игрушку, внимательно и настороженно всмотрелась в ее лицо, но ничего не сказала. Только на лбу появилась и тут же исчезла едва заметная недовольная морщинка.

Утром, когда Юлиана проснулась, бра еще был включен, Королёва отсутствовала.

Девушка сонно огляделась, вздохнула и принялась собираться на работу. В телефон она старалась не смотреть.

Следующие несколько дней Юлиана напряженно изучала маршруты из дома на работу и обратно, а также инфраструктуру района, в котором ей предстояло жить. Если бы Юля могла выбирать, ни за что не поселилась бы здесь – до метро надо добираться на электричке, до станции тоже прилично пешком. Нормальные продуктовые магазины сгруппированы вблизи железной дороги. Те же торговые точки, что находятся неподалеку от дома, совершенно не подходили ни по ценам, ни по ассортименту.

К среде Юлиана устала так, что по дороге с работы ее начинало подташнивать. После наскоро приготовленного ужина она, не обращая внимания на приглашения посидеть на кухне, сразу заваливалась спать.

Королёва, как всегда, легко и беспечно влетела в новую жизнь. Возможно, потому, что бытовые вопросы ее волновали мало, а может оттого, что роман с Василием занимал все свободные мысли в ее голове.

«Как ей это удастся? – удивлялась Юлиана. – Спит она явно меньше, чем я, весь день крутится в своей аптеке, но к вечеру по-прежнему свежа, бодра и красива. И готова к новым свершениям. Мне же к концу дня не то чтобы веселиться, порой даже жить не хочется».

Вскоре после новоселья Галя переселилась в комнату к Васе. Славе Абрикосову пришлось переместиться в гостиную, а Юлиана осталась в комнате одна. Много лет отдельная комната была для нее непозволительной роскошью – Юлиана всегда делила свою территорию с кем-то, а теперь от души наслаждалась тем, что у нее, наконец, появился собственный угол.

Признаться, ей было гораздо спокойнее, когда в доме не затевалось разгульных вечеринок с постоянно меняющимися лицами. Галка, сосредоточенная на одних отношениях, а не кидающаяся на всех встречных свободных и не очень мужиков, была зрелищем непривычным, но приятным. Она резко похорошела, стала меньше теребить Юлиану по поводу отсутствия ее личной жизни, активно занимаясь своей.

Часто в гости заходила Регина, пила чай, расспрашивала ребят обо всем, но никогда не задерживалась допоздна. Юлиана в ее присутствии чувствовала себя неуютно. Регина, такая взрослая и рассудительная, представлялась Юлиане айсбергом – холодным и одиноким. Но однажды они разговорились. В тот день Василий задержался на работе, Галка отправилась в парикмахерскую. Абрикосов обещал быть пораньше, но где-то запропастился и на телефон не

отвечал. Принимать гостей пришлось Юлиане. Поначалу девушка напряглась, она не любила навязанного общения, а уйти ей показалось невежливым.

– Ты не сиди со мной, иди занимайся делами, если надо, – проницательно заметила Регина. – Не хочу тебя стеснять. Мне просто Славу дожидаться надо.

После этих слов Юлиана действительно собралась уйти. Она задержалась на пять минут – допить чай. И осталась. Что-то было в Регине. Умиротворенное, располагающее. То, что изда- лека не разглядеть. Оказалось, так легко открыться почти незнакомому человеку. Поделиться сокровенным, обнажить душу. Регина так искренне заинтересовалась ее жизнью, без притвор- ства и нездорового блеска в глазах. Юлиана сама не заметила, как разоткровенничалась, рас- сказала Регине про Артема, пожаловалась на одиночество.

– Ты сирота, Юлиана. Конечно, тебе тяжело. Если ты позволишь рассказать про мое одиночество, ты не будешь столь категорична. Мои родители умерли лет пятнадцать назад, я только вышла замуж. Но они были старенькие, я поздний ребенок, и поэтому была готова, что они уйдут. Я родила сына, и он для меня стал светом в окошке. Мой Вадик, хороший, ласко- вый мальчик.

– Где же он сейчас? – спросила Юлиана. Она знала от Василия, что Регина живет одна.

– Я потеряла его, когда он был еще подростком. Больше родить не смогла из-за операции по женской части. После этого я долго лечилась от депрессии, даже попыталась покончить с собой. Затем погиб мой муж. Он работал вместе с Васей и Славой. Ребята в тот момент решили меня поддержать – просто так, хотя до этого мы были почти не знакомы. Они помогали мне как могли, и мы постепенно сдружились. Я смогла взять себя в руки, открыла свое дело. И знаешь, можно сказать, что я успешна. Только вот у меня никого нет. И не будет.

Юлиана слушала и потихоньку вытирала слезы. Теперь она поняла, что внешняя сдер- жанность Регины всего лишь маска, броня, прочно оберегающая хозяйку.

– Ну-ну, девочка, – покачала головой Регина, – не плачь. Я испытала многое, но я жива. Одинока, но жива. У тебя есть Галя, человек, который за тебя горой, береги ее. И не важно, что в вас не течет одна кровь – родственные связи не всегда крепче дружеских, уж поверь мне.

В кухню ворвалась Королёва. Юлиана вздрогнула, она даже не услышала, как Галка пришла. Подруга распахнула холодильник и по очереди вытащила оттуда пачку майонеза, батон докторской колбасы и сырную нарезку в упаковке. Она аккуратно разложила на тарелке кусочки белого хлеба, густо налила на них майонез и принялась кромсать колбасу.

– А Вася еще не приходил?

Юлиана с Региной одновременно покачали головами. Галка громко вздохнула.

– Он обещал уже быть. Кстати, как вам моя прическа? – она взмахнула свежее испеченным каре и игриво подмигнула.

– Хорошая прическа, тебе идет, – похвалила Регина. Юлиана молча подняла вверх боль- шой палец. Галка довольно кивнула и вернулась к бутербродам.

– Хорошо, что я в салон ходила, хоть настроение улучшилось.

– А что случилось? – Юлиана подошла к подруге, схватила с доски розовый кружок кол- басы и отправила его в рот.

– Да мне сегодня такую эсэмэску странную прислали, – Галя развернулась спиной к столу и серьезно оглядела подруг. – Там было сказано, что меня убьют. Похоже на какой-то розыг- рыш. Но мне стало очень не по себе.

– А что за сообщение? Дай посмотреть, – попросила Регина.

– Да я его сразу удалила, нужно мне всякую гадость хранить! – воскликнула Галка. – О, кажется, кто-то пришел!

Галя ускакала в прихожую, откуда действительно послышалось шуршание. Через несколько минут она появилась вновь, держа Василия под руку и трогательно заглядывая ему в глаза.

– Васечка, а я бутербродики сделала! Хочешь, я тебя накормлю?

– Попозже, котенок, – ответил Василий. – Он нежно обнял и поцеловал Галя, а потом отстранился и со вздохом опустился на стул, Галка пристроилась рядом на подоконнике. Все немного помолчали, а потом Василий произнес:

– Девочки, а я сегодня чуть не погиб.

– Что?! – Королёва соскочила с подоконника, плюхнулась Васе на колени, так что тот охнул, и крепко обняла за шею. Юлиана расширила глаза, а Регина спокойно поинтересовалась:

– Что случилось?

– Налажал я сильно, и если бы не случайность, то мы бы с вами сейчас тут не разговаривали, – Василий сильнее прижался к Галке и замолк.

– Ничего не понимаю. Можешь толком объяснить? – нетерпеливая Галка снова вскочила. Все присутствующие невольно следили за ее хаотичными движениями. Василий продолжил говорить.

– Я забыл открыть тормозной кран между локомотивом и первым вагоном. Это очень серьезно. Потому что когда кран закрыт, то поезд из семидесяти вагонов тормозит только локомотивом. Я сегодня смог остановиться только чудом. Состав был порожний, а профиль пути шел на подъем. Помню, как перед выездом собирался его проверить, помню, что был там, но сам момент проверки вспомнить не могу. Наверное, отвлекся и не сделал то, что положено.

– Васятка, – Галка снова под села к парню и обняла за шею, заслонив от остальных. Из-под кофты Королёвой послышался глухой голос:

– Вот такой хреновый из меня машинист.

– Васечка, ты очень хороший! – воскликнула Галя. – И машинист, и вообще. И прекрати себя винить! Если ты был там, возле этого крана, значит, все сделал верно! Просто забыл, так бывает. Наверное, кто-то другой этот кран закрыл.

– Может быть, – согласился Василий, – но как-то все странно. И седан белый из головы не идет. Я уверен, водитель сделал это специально, он стоял неподалеку, выжидал чего-то, а потом двинулся прямо на нас. Такое ощущение, что я его где-то видел, но не могу вспомнить где.

– Похоже на паранойю, – невесело усмехнулась Регина.

– Наверное, – пожал плечами Василий, – но знаешь, как говорят: если у тебя мания преследования, это не значит, что за тобой никто не следит.

– А я Васе верю, – заявила Галя, – никакой паранойи у него нет. Только вот что делать, не знаю.

– И я не знаю, – Василий скривился, – наверное, буду просить Малюкова, чтобы он меня обратно на пригородные поезда перевел. А там посмотрим.

Глава 2

Планшет буднично подмигнул, раскрыв список дел. Регина откинулась на спинку огромного шефского кресла и задумалась. Здесь подробный план, расписание ее жизни. Он помогает не пропустить нечто важное, не забыть о том, что еще есть дела и даже люди, которые держат ее здесь.

Сегодня многое надо успеть. Встретиться с поставщиками, заехать в химчистку, чтобы забрать пальто. В пятницу в гости обещали заглянуть Вася со Славиком, а значит уже сегодня надо закупить продукты: мальчики так любят, когда она для них готовит.

А еще надо определиться со списком приглашенных на день рождения и наконец решить, где его отмечать – в ресторане или на даче, в Рвачево. Март, конечно, не то время, чтобы ехать за город, но и в ресторан идти не хочется – слишком много пафоса, Регина этого точно не вынесет. Дом у нее крепкий, теплый. Отопление круглый год. Есть камин, но он больше декоративный, чем функциональный. И места много, все, кто захочет остаться, с удобством смогут расположиться. Самая большая проблема – добраться до дачи. Но ее гости люди взрослые, не растеряются.

Она бы и вовсе не стала праздновать, невелика радость – собственный день рождения. Но в этот день у нее родился Вадик. словно кто-то сверху решил сделать самый драгоценный в ее жизни подарок. Чтобы потом его так подло забрать. Регина вздохнула. Как же тяжело бывает порой, но сдаться, отступить она не имеет права. Надо продолжать путь. В память о сыне, в честь ее новой жизни.

Осторожный стук в дверь кабинета прервал размышления.

– Регина Витальевна, можно?

Лаконичный кивок.

– Из «Итеки» звонили, им опять привезли не те этикетки: надо было на полипропилене, а Алена обычные на термобумаге отправила. И в переписке есть про полипропилен, но она не заметила, видимо. Теперь им надо всю партию заменить, а те обратно принять, хотя они наверняка уже начали на них печатать, по крайней мере, попытались.

Начальница молча слушала, не вступая в диалог, отчего подчиненная волновалась и от этого говорила громче и быстрее.

– Как минимум один рулон вскрыт, его мы никуда не пристроим.

Регина, ничего не сказав, чуть заметно наклонила голову. Елена Владиславовна – начальник отдела продаж в типографии, которой владела Регина Дорохова, поняла, что пора просить то главное, с чем она пришла в кабинет руководства.

– Согласуйте замену, пожалуйста.

– Меняйте, – почти равнодушно сказала она, и Елена Владиславовна, чувствуя себя немного «Леночкой», с облегчением повернулась, чтобы выйти. Но Регина продолжала:

– Штраф на сумму материалов из непринятой партии разделите вместе с Аленой. Ее восемьдесят процентов, твоих двадцать – за то, что не уследила. Ты начальник, – проговорила Регина строго в ответ на несогласно округлившиеся глаза подчиненной, – ты должна все контролировать, иначе зачем ты вообще нужна?

– Регина Витальевна, Алена работает у нас всего четвертый месяц, я в тот момент была в командировке в Рузе, – объяснила Елена.

– Тогда получается, что Алену надо уволить, а тебя поставить на ее место. Потому что сделать заказ правильно ты бы смогла, а вот проконтролировать, чтобы это сделал новый сотрудник, нет, – отрезала Регина. – Я в этом косяке не виновата и оплачивать чужие ошибки не буду. Это понятно?

Елена Владиславовна покорно кивнула и вышла, осторожно прикрыв за собой дверь.

Если бы она, Регина, могла так же твердо приказать себе не думать. Отгородить этот мир, где одиноко, больно и очень страшно, от того другого, где все могло быть иначе.

Она снова взглянула на экран планшета. Тренькнул динамик, и на экране загорелось уведомление о новом сообщении. Приглашение на ужин. Не первое и наверняка не последнее. Этот человек никогда не отступит, он борется за нее уже давно. Человек с большой буквы, умный, властный, солидный. Мужчина из разряда «сделай себя сам», тянущийся к такой же с виду женщине. Она тоже сделала себя сама. Стала тем, кто она есть. И если для мужчины это можно считать достижением, то для женщины, тем более с ее биографией, – подвигом. Регина усмехнулась.

Этот человек никогда не поймет, почему она отказывается. Как объяснить, что она не чувствует себя женщиной? Привлекательный фасад скрывает пустоту. Пустота. Она заполнила собой все жизненное пространство вокруг. Потеря сына стала первым, самым сильным ударом. Мужчина, любовь всей ее жизни – не муж, а сын – покинул ее навсегда. Даже теперь разум хочет видеть только самые приятные моменты – первые шаги, корявые рисунки, принесенные из садика на День матери или Восьмое марта, смешные, слегка шепелявые стихи и очень серьезные, умильные до слез, рассуждения на тему, что такое добро, зачем нужна мама и почему облака такие белые. Но память упорно подсовывает последние мгновения его пути здесь, на земле. Кровь, много крови, грязь и невозможность повернуть все вспять. Порой она жалела, что согласилась на это болезненное опознание, муж прекрасно справился бы без нее.

Она хотела еще ребенка, но у них ничего не выходило – многолетние безрезультатные попытки, анализы, исследования и снова попытки. От ЭКО муж отказался, якобы это противоречило его убеждениям. Принципы для него были всегда важнее ее, Регины.

А потом был диагноз, жестокий и безапелляционный вердикт. Но еще страшнее оказалось лечение – оно-то как раз и стало приговором. Не смерти, а жизни. Врачи обнаружили у женщины опухоль, которую пришлось удалить вместе с маткой. Регина осталась жить, но в ней умерла любая, даже самая маленькая надежда вновь стать матерью. С тех пор Регина не просто перестала чувствовать себя Женщиной, она перестала быть ею. Просто перестала существовать.

Одиночество в переполненной больничной палате, мучительную реабилитацию она перенесла стойко. По крайней мере, так говорили медсестрички, которые мерили температуру и ставили болезненные уколы. Медсестрички были слишком молоды, чтобы знать: можно казаться живой снаружи, даже если ты перестаешь существовать внутри.

Ей советовали не говорить ничего мужу – мол, он все равно не заметит разницы. Но она сказала, потому что не имело никакого значения, как к тебе будут относиться, если ты сам про себя все знаешь. А супружеская постель никогда не определяла ее жизненного предназначения – быть матерью.

На фоне всего произошедшего смерть мужа стала просто событием. Оно, конечно, вызвало очередную порцию сочувствий и соболезнований, но не смогло пробить стену равнодушия, за которой Регина жила с момента гибели сына.

Эта трагедия стала началом новой цели, пути ко всему тому, что Регина имеет сейчас – небольшому процветающему бизнесу и репутации успешной деловой женщины с бульдожьей хваткой.

Ее поклонник знает о ней больше, чем все остальные. Он любит ее так, как никто и никогда. Она не просто чувствует, она знает это наверняка. Но на свидание она не пойдет.

Регина закрыла сообщение, снова вздохнула и принялась за список гостей. Решено, едем в Рвачево.

На дачу ехать не хотелось. Юлиана сердилась и ворчала. Что за причуда – тащиться куда-то посреди зимы?! Все знают, что март в средней полосе совсем еще не весна. Это в городе дорожки расчищены и посыпаны реагентами, дома защищают от ветра. В деревне снега по колено, темнота да холод. Большое удовольствие – тишь да глушь. Только Королёва, как обычно, обрадовалась. Она словно переكاتи-поле – куда все, туда и она. Где движение, там и хорошо.

Василий сидел за столом на кухне, маленькими глоточками отхлебывал кофе из огромной кружки и заодно поглядывал на Галку, то и дело мелькавшую перед ним. Королёва суматошно носилась по квартире, собирая вещи, которые понадобятся в их небольшом путешествии. Иногда она останавливалась, осматривалась и, чертыхаясь, принималась разбирать наполовину забитую сумку.

Абрикосов, как обычно, в любую свободную минуту, играл в танчики. Из его комнаты постоянно доносились звуки стрельбы. Иногда он надевал наушники, чтобы не мешать остальным. А поскольку сдерживать эмоции в игре ему было трудно, соседи все равно слышали возбужденные абрикосовские возгласы. В первое время Юлиана пугалась, а потом привыкла.

– Юлька, не занудствуй, развлечемся! – Галка остановилась, держа в руках огромный белый свитер. – Как думаешь, этот свитер брать?

– Ты уже два взяла, – резонно заметила Юлиана, – зачем еще третий?

– А вдруг холодно будет?

– Королёва, ты не на северный полюс едешь, – прокричал из зала Слава, отвлекаясь от компьютера, – у Регины дом хороший, там отопление и камин.

– Тогда для Юлианы возьму, – упрямо возразила Галя.

– Я вообще не хочу ехать, – поморщилась Юлиана, – но и Регину обижать не хочется, все-таки день рождения.

– Правильно, – поддержал Василий, – ехать надо. А то Регина расстроится.

– Точно, – поддакнула Королёва. – Васечке вообще на работу завтра рано вставать, а он все равно не отлынивает.

Полупустой вагон слегка покачивался. Юлиана села рядом с Галкой. Подруга, естественно, устроилась у окошка и всю дорогу болтала не умолкая. Абрикосов закинул длинные ноги на сиденье напротив, закрыл глаза и, кажется, мгновенно заснул. Василий в наушниках молча смотрел в замерзшее окно.

Когда электричка подошла к станции, стало совсем темно. На платформе было скользко, и Юлиана осторожно ступала по тонкому льду, крепко держа Абрикосова за локоть. Василий в одной руке нес большую сумку, собранную Королёвой в дорогу, а на другой у него висела сама Галка. Ее ноги в ботинках на десятисантиметровых каблуках разъезжались в разные стороны. Казалось, они жили в шаге от своей хозяйки, сами по себе.

– Обычно мы ходим вон там, – Абрикосов показал в сторону, где не было ни единого фонаря, – но сегодня пойдем в обход, а лучше возьмем такси.

– Поддерживаю, – пропыхтела Галя, – давайте лучше такси.

Они поймали частника, который без удобства, зато быстро домчал их до места. Василий по-хозяйски потянул за ручку тяжелую железную дверь. Из дома повеяло теплом и светом. На звуки вышла Регина в длинном трикотажном платье цвета шоколада и балетках с меховым помпоном.

– Так, – скомандовала она, – разбирайте тапки и давайте к столу, мы без вас не начинали.

Юлиана быстро скинула пуховик и сапоги, сунула ноги в мягкие шерстяные тапочки и следом за Василием прошла в комнату с огромным белым диваном и празднично сервированным столом. Галка убежала переодеваться, Абрикосов тоже куда-то запропастился. Юлиана огляделась.

Словно царица на троне, в отдельном кресле восседала дама в твидовом костюме. Седые волосы были собраны на затылке в небольшой старомодный пучок. Она потягивала из белой чашки какой-то горячий напиток и сквозь прищур глаз посматривала на собравшихся. Оценивающе, свысока.

«Точь-в-точь заведующая нашим детским домом, – подумала Юлиана. – Сразу видно, мегера».

Двое мужчин что-то оживленно обсуждали. Третий сидел чуть поодаль и наблюдал, как еще одна незнакомая Юлиане женщина по-хозяйски поправляет на столе тарелки и приборы.

– О, а вот и свежие гости пожаловали, – оживился один из беседующих – мы тут вас уже заждались! Федор, – представился он Юлиане, – очень приятно.

– Юлиана, – сдержанно ответила она, и Федор задорно подмигнул ей, а потом быстро отвлекся на Василия.

– Вася, а что, Катя не придет?

– А я не знаю, – пожал плечами Василий. – Мы расстались, уже полгода как не общаемся. Ты лучше у Мишки Болтушина спроси. Он-то всегда в курсе происходящего, – Василий улыбнулся, кивая на его собеседника и протягивая руку присутствующим мужчинам. – Роман Сергеевич, приветствую.

Отдельно сидящий мужчина поднялся, чтобы пожать руку Василию, молча кивнул Юлиане и вышел из комнаты.

– Михаил Болтушин, – мужичонка лет пятидесяти с идеально круглой проплешиной на затылке с интересом смотрел на Юлиану. – Я вас раньше никогда не видел. Вы с Васей вместе работаете?

– Она с Васей вместе живет, – гаркнул Абрикосов из-за спины Юлианы, и девушка вздрогнула, так тихо он подошел. – А ты, Болтушин, кончай выведывать, а то лысина вон у тебя какая, того и гляди мозги покажутся!

– Ну-ну, мальчики, – одернула их Регина, – не ссорьтесь. Но Федор вообще-то прав. Вы очень долго добивались.

– Мы не нарочно, просто так получилось, – Василий покосился на Галку.

Наконец суета улеглась, все расселись по своим местам и взяли бокалы. Молчаливый дядька, который так и не представился Юлиане, начал что-то говорить, но Абрикосов перебил его. Он подскочил с места так стремительно, что шампанское в его бокале чуть выплеснулось в салат, и затараторил:

– Дорогая моя Регина! Поздравлю тебя с днем рождения! Ты добрая, отзывчивая. А еще умная и стойкая. Я горжусь тем, что могу называть себя твоим другом. Я тебя очень люблю. Ура!

Все засуетились, зазвенели фужеры, гости подхватили тост.

– Регина, этот салат очень вкусный, – похвалила Юлиана.

– Его, кстати, очень просто готовить, – ответила хозяйка торжества, – если хочешь, я тебя научу.

– Не уверена, что получится, – хмыкнула Юлиана, – у меня руки не из того места растут.

– Да что ты говоришь! – искренне возмутилась Галка, – твои пельмени самые вкусные!

– Юлиана, вы что же, умеете готовить пельмени? – заинтересовался Федор.

– Ага, умею, покупные из пачки, – ответила Юлиана, и все засмеялись.

– А у меня вообще вместо пельменей постоянно каша получается, – пожаловалась Королева.

– А вы, девчонки, приходите ко мне в гости, будем вместе что-нибудь готовить, так и научитесь.

– Крутая идея, – обрадовалась Юлиана, – я за!

Смех становился громче, а истории откровеннее с каждой выпитой рюмкой. Регина пила минеральную воду и была чуть более взвинчена, чем обычно.

– Она всегда в свой день рождения такая, – пояснил Абрикосов, когда они вышли покурить. – Из-за сына, он тоже в этот день родился. Подозреваю, что сегодняшний праздник больше в его честь...

Вскоре Юлиана заметила, что и Вася практически не принимает участия в беседе. Он улыбался, иногда вставлял какие-то незначительные реплики, но когда задумывался, его черты приобретали напряженное выражение.

– Вась, у тебя все хорошо? – она подошла к Василию, когда тот, оставив Галку хохотать над болтушинскими историями, в одиночестве сидел на кухне.

– Что? А, да, все в порядке, на работе немного...

– Расскажешь, что случилось? – спросила Юлиана, усаживаясь рядом.

– Да рассказывать, в сущности, нечего. Собаку мы сбили сегодня, представляешь? – он поморщился. – Перегон длинный, разогнался немного, а она, сука, как выскочит прямо под меня! Я, конечно, все равно не остановил бы машину, но, может, она успела бы отскочить.

– У тебя проблемы из-за этого?

– Нет, – вздохнул он, – собака она и есть собака, поехал дальше и все. Просто неприятно, никак не могу отойти. Вон видишь: Малюков, – Вася указал на высокого молчаливого типа, который так и не представился Юлиане, – начальник наш, все время хмурится. Из-за этой истории тоже не в духе, хотя его там даже не было, он только отчет принял.

– Подожди, – удивилась Юлиана, – то есть ты сбил животное, а потом просто взял и уехал?!

– Юля, пойми, у меня четкая инструкция, я не могу нарушать график, даже если под колесами пострадало животное.

– А если человек?

– Если жив, тогда останавливаемся, вызываем скорую помощь. В этом случае надо помочь и ждать медиков. А если нет, оттащить... м-м-м... останки за габарит пути и ехать дальше.

– Кошмар...

– Я когда в «железке» учился, у нас в одном из кабинетов у движенцев был над доской такой лозунг: «Расписание – это закон». Понимаешь, что это значит?

– Что мертвые не должны мешать живым путешествовать с комфортом? – с вызовом проговорила Юлиана.

– Ты очень категорична, – еще больше помрачнел Василий.

– Как есть, – сухо сказала девушка. Ей вдруг стало неприятно, как будто открылась какая-то злая правда про ее друзей. Василий и Слава никогда не рассказывали ничего подобного.

– Да, – взволнованно, чуть громче обычного, сказал Василий, – таковы правила. У нас, знаешь, как на войне, приказы не обсуждаются.

Юлиане вдруг стало неловко от своей категоричности. Может, она и вправду слишком сурова, Василий и так сам не свой, а она еще масла в огонь подливает.

– Ладно, Вась, извини, я погорячилась. Пойдем обратно или ты еще здесь побудешь?

– Я бы спать пошел, – признался Василий, – уже час ночи, а мне на работу в пять вставать.

– Вот и иди, – Регина вошла неожиданно, возвращая на кухню пустое блюдо, на котором недавно лежали таралетки с салатом. Юлиана так их и не попробовала. – Там ребята собрались в мафию играть, ты будешь, Юлиана?

– Я бы тоже уже легла. Можно?

Регина отставила тарелки, которые в этот момент загружала в посудомоечную машинку, и мягко посмотрела на девушку.

– Конечно, дорогая, зачем спрашивать?! Пойдем я тебя провожу.

Регина провела Юлиану в крошечную комнату на первом этаже с узкой кушеткой. Навесные полки здесь были заставлены книгами. Между томиками Есенина, Достоевского и Лермонтова расположились странные статуэтки – человеческие тела в разных позах без лица и волос. Кровать была застелена белоснежным постельным бельем, рядом на стуле лежал аккуратно сложенный клетчатый плед. Деревянный пол покрывал сине-желтый ковер с геометрическим орнаментом. Больше в помещении не было ничего.

– Самая маленькая спальня в этом доме. Но тебе будет здесь удобно, – заверила Юлиану хозяйка.

– Как ты всех разместишь?

– А все и не останутся. Римма Ивановна и Света сегодня уедут, они никогда не ночуют у меня. Рома Малюков, по-моему, уже уехал, он давно собирался, ему, кажется, тоже завтра на работу. Гале с Васей отдам свою спальню, там большая кровать. Сама лягу наверху, у меня на втором этаже комнатка чуть побольше этой. Ну а мужички наши в гостиной переночуют, диван большой, да и кресло раскладывается.

Дверь за Региной закрылась, и Юлиана опустилась на кровать. Из зала послышались голоса, а потом громкий абрикосовский смех.

«Да уж, – подумала Юлиана, – тишины я здесь не дождусь. Хотя я и не под такие вечеринки засыпала, спасибо Королёвой».

Она переоделась в пижаму, легла на кушетку и потянула на себя одеяло. Оно было легким, словно пух. Тренькнул телефон, девушка вздрогнула.

«Не буду отвечать», – подумала она. Смех за дверью стих, и Юлиана услышала хорошо поставленный голос Риммы Ивановны:

– А у меня лет двадцать назад был случай. Я тогда начинала работать в дистанции сигнализации и связи моего родного города диспетчером – там большой железнодорожный узел. У меня ночная смена. Доложила о вступлении на дежурство. Представьте себе: ночь, я одна, сижу за пультом, жду поезда. Смотрю – светофор закрылся, хотя до поезда еще минут пятнадцать. Потом открылся через пару секунд, затем опять та же история. Светофор мигает.

– И что это значит, когда мигает светофор?

«Это Галка, – определила Юлиана. Обожает все загадочное. Невозможно, чтобы она прошла мимо хоть сколько-то интересной истории».

– Для того, чтобы управлять движением, есть специальное устройство, называется пульт-табло, оно установлено на каждой станции. На нем вся информация о поездах, вагонах, стрелках и прочем.

«А это, по-моему, Федор. Он так активно пытался подбивать под меня клинья, это было забавно. Жаль только, что все зря».

Тем временем железнодорожник продолжал:

– Движение на станции управляется входными и выходными светофорами. Входной – когда поезд прибывает, выходной, соответственно, на выезд.

– Ты уж прям так подробно не надо, здесь все знающие, – перебил Федора Болтушин.

– Да ладно, пусть рассказывает! – оборвал его Абрикосов, – кое-кому даже полезно освежить знания!

– Это кому же? – повысил голос Болтушин.

«Интересно, они сегодня подерутся? – Юлиана улыбнулась, представив борьбу щуплого тщедушного Михаила и плечистого Абрикосова. – Наверное, Регина не позволит, а так могли бы».

– Так вот. Открывает светофор диспетчер, а закрывается он сам, автоматически, как только первая колесная пара вступила на рельсовую цепь за светофором. Проще говоря, как только поезд проехал светофор, тот тут же закрывается, для этого не надо вмешательства человека.

– Короче говоря, – вмешался Абрикосов, – когда входной светофор мигает, это значит, что поезд то появляется, то исчезает. Бред, правда?

– Вызвала я электромеханика, – продолжила Римма Ивановна, – и они с ребятами пошли разбираться. Я жду. Минут через двадцать звонят и смеются. Оказалось, что на деревянном настиле между рельсами застряла корова. Передним копытом стоит на одном рельсе, а задним бьет по другому.

– Тем самым создавая эффект закрытой электрической сети, что на пульте соответствует появляющемуся поезду, – подхватил Слава.

«Как хорошо, – подумала Юлиана, – словно сказку на ночь рассказали».

Спать почему-то перехотелось. Регина права, ей так хорошо в этой малюсенькой комнате, словно это ее дом. Она взяла с полки томик Ахматовой, открыла наугад:

Я не любви твоей прошу.

Она теперь в надежном месте.

Поверь, что я твоей невесте

Ревнивых писем не пишу.

Тренькнул телефон, и Юлиана, придерживая книгу, прочитала очередное нежное сообщение от Артема.

Юлиана захлопнула томик и бросила его на стул. Накрылась одеялом с головой, так что звуки застолья стали почти не слышны.

«Ты не можешь, не должен мне это писать, я не верю тебе. И тем не менее ты делаешь это. Зачем? В чем твой план? Или нет никакого глубокого замысла, и я могу расслабиться и наслаждаться тем, чего когда-то так хотелось, о чем мечталось, как о несбыточном...»

Она снова взяла телефон и открыла сообщение. Несколько минут девушка разглядывала буквы, сложившиеся в драгоценные, такие желанные некогда слова, потом открыла фотографию в профиле человека, приславшего сообщение, и начала смотреть на нее. Вот он, совсем другой и в то же время все тот же. Красивый, повзрослевший, возмужавший, хотя и в свои восемнадцать он казался ей Мужчиной, именно так, с большой буквы. Став старше, Юлиана удивлялась, как она, пятнадцатилетняя соплюшка, могла воспринимать его взрослым сформировавшимся человеком, способным принимать правильные, обдуманные решения. С высоты прожитых двадцати семи восемнадцать лет кажутся совсем незначительной цифрой. Когда же тебе всего пятнадцать...

Конечно, всему виной любовь. Та самая, первая, которая совсем внове. Она внутри тебя, но в то же время занимает все пространство вокруг, не оставляя места ни для чего другого. Затем бесконечная нежность. Неожиданная боль и ужас утраты. А дальше тупое ожидание, бесполезная надежда на чудо. И, в конце концов, ненависть, жгучее желание доказать Ему, а заодно и всему миру, что она сумеет прожить без Него.

И вот теперь, когда целая жизнь, связанная с этим человеком, считай, прожита, когда от нее остались только воспоминания и переваренные, запечатанные в памяти эмоции, он появился вновь. Как мечта. Как сон или мираж.

Говорят, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Все меняется, но может ли измениться человек?

Получается, он изменился? Это важный вопрос. Но не менее важен и другой. А нужно ли ему становиться другим, если Юлиана любила его и так, и ей не требовалось ничего в нем менять. А она сама осталась такой же, какой была десять лет назад? До недавнего времени девушка думала, что стала совсем другой, но с появлением Артема второй раз в ее жизни она

поняла, что это не так. Она все так же теряет голову, когда чувствует его присутствие – даже в виде короткого сообщения на телефоне.

Юлиана перевернулась на живот и, немного подумав, написала в ответ Артему лаконичное, даже немного сухое сообщение.

«Не буду с ним встречаться, ведь прошло столько лет. У меня прекрасная жизнь, Галка, друзья, даже ухажер Федя».

Юлиана долго лежала, то вслушиваясь в разговоры за стеной, то ныряя в сокровенные мысли. В конце концов она решила, что нужно встать, чтобы проветрить комнату, но неожиданно для себя заснула.

Утром Юлиана, лежа в кровати, долго прислушивалась к звукам и запахам. Едва слышно звякала посуда, раздавались тихие шаги. Никаких разговоров. Пахло чем-то вкусным – сырниками или блинчиками, Юлиана разобрать не смогла. Девушка выскользнула из-под одеяла и босиком прошла на кухню.

Регина пекла блины. Каждый блинчик идеальной формы, очень тонкий, через поры можно было, кажется, даже читать. Каждый кружок она смазывала сливочным маслом и тут же выливала на сковородку следующую порцию.

– Все еще спят? – спросила Юлиана. Регина вздрогнула.

– Да. Васю с Болтушиным я с утра отвезла на станцию, такси здесь не вызовешь. Роман вчера сам уехал, я даже не заметила как.

– И я не заметила, – сказала Юлиана.

– Галя наверху. Федя со Славой вон там разложились, – Регина указала на диван, на котором они вчера сидели. Теперь его части по обеим сторонам были застелены каждая своим постельным. Чья-то голая нога торчала из-под одеяла.

– Мне кажется, мы их теперь долго не сможем поднять.

– И не надо, – Юлиана усмехнулась, – пусть спят. Или мы будем всех ждать, чтобы позавтракать?

Ей очень захотелось взять блин с огромного блюда, намазать сметаной и сгущенкой и запихнуть в рот целиком. Чтобы сладкая начинка капала прямо на стол, чтобы можно было облизывать липкие пальцы, а потом взять еще один, а потом и еще.

– Не будем мы никого ждать, – заверила ее Регина. – Завтракай спокойно, а блинов я напеку еще, всем хватит.

Юлиана налила в чашку кофе, разбавила напиток молоком и сделала первый глоток.

В этот момент в кухню ввалился Абрикосов.

Хмурый, растрепанный, небритый. Недовольный, словно не ко времени разбуженный медведь. Около уха он держал телефон, пытаясь понять, что ему говорят. Юлиане стало смешно, она потрепала его по голове и хотела сказать что-то забавное, по-дружески подколоть приятеля. Но Слава прочистил горло, залпом допил кофе из Юлианиной чашки и сказал, обращаясь к Регине:

– Рег, мне почему-то говорят, что Васю убили.

Вечером растерянная Юлиана вспоминала и скорые сборы, которые в тот момент почему-то казались такими долгими, и заспанную Галку, которая как заведенная повторяла: «Не верю, не верю, не верю».

В депо девушек не пустили. Абрикосов с Федей прошли за турникет, а Юлиана и Галя сначала топтались неподалеку, а потом отправились домой.

Неизвестность пугала. Галка психовала, срывалась на Юлиане и названивала Абрикосову. Слава на звонки не отвечал и сообщения не читал. Так и не дождавшись новостей, Регина уехала, попросив держать ее в курсе. Вечером вернулся Слава. Он разделся, выпил залпом стакан коньяка и молча сел играть в танчики. Юлиана с Галей ходили вокруг него, не зная,

что предпринять. Он отрешенно смотрел в монитор, казалось, что пальцы его работают на автомате. Он молчал до тех пор, пока Королёва не полезла к нему драться.

Тогда Слава посмотрел на нее равнодушным взглядом и произнес, словно отвечая на все заданные вопросы:

– Нет, Галя, это не ошибка и не шутка. Его нашел помощник возле кабины машиниста. Вася прошел все проверки, получил маршрутный лист, а потом перестал выходить на связь.

Абрикосов помолчал.

– Его забили до смерти путевым шаблоном. Он рядом валялся весь красный, я видел. Кто-то свой ударил. В депо чужих не пускают, и это не только сегодня, это всегда так.

Слава помолчал.

– Там столько крови было... Весь снег пропитался.

Абрикосов с силой захлопнул крышку ноутбука. И тут только Галя расплакалась.

Глава 3

Каждый человек прикреплен к жизни тысячами связей. Они, будто невидимые нити, соединяют его с другими людьми – слабее или сильнее.

Одни из этих нитей всего лишь статистика, массовый материал. Продавщица в магазине не станет горевать, если ты вдруг перестанешь покупать у нее хлеб. Участковый врач не расстроится, если больше никогда не будет лечить твой насморк.

Но есть такие канаты, которые нельзя порвать незаметно. Они жизненно важны, необходимы порой больше, чем воздух. Иногда они теряются медленно, постепенно. После этого остается лишь легкая грусть, предчувствие, что, может быть, не все еще потеряно. Но бывает, они обрываются резко, и тогда с треском и грохотом мир обрушивается на тебя огромной беспощадной мощью.

...Галя теперь постоянно плакала. Перестала выходить из дома, просто сидела в кресле в комнате Юлианы, завернувшись в клетчатый плед, и смотрела фотографии, где они с Василием были вместе. Было в этом страдании столько обречения, боли и отчаяния, что, казалось, некогда беззаботная светлая и легкая девушка больше никогда не сможет утешиться.

Абрикосов запил. Он открывал бутылку за бутылкой, опорожнял стакан за стаканом. Его некрасивое лицо исказила гримаса боли и с каждой новой порцией оно все меньше походило на человеческое. Смотреть на Славу было неприятно, страшно и даже противно.

Юля плакала, разрывалась между друзьями и совершенно не знала, чем можно им помочь. А может быть, стоило помогать и ей самой?

В день похорон было холодно. Промозглый ветер пробирал до костей. Небо затянули тяжелые седые тучи. Сквозь грязный, унылый, весенний снег проступили черные проталины. Еще несколько дней назад на деревьях лежали пушистые хлопья, но теперь снег растаял, и черные ветви-руки безжизненно опустились к земле. Люди на фоне этого пейзажа казались брошенными и беззащитными.

На кладбище Юлиана крепко держала Королёву под руку. Галка выла в голос так, что Юлиана стала опасаться за ее психику. По другую сторону подруги, тихонько вздыхая и покачиваясь, стоял ничего не соображающий Абрикосов. После похорон Галя освободилась от поддерживающих ее рук и подошла к родителям Василия. Они держались отстраненно, ни с кем не разговаривая. Юлиана услышала, как мама в ответ на тихое приветствие прокричала:

– Девушка, не лезьте вы к нам со своими признаниями. Видите, у нас сын погиб.

Галя замерла на секунду, а потом неуверенной походкой вернулась к друзьям.

После похорон Галка перестала не только плакать, но и говорить. Эта тишина была для нее еще более несвойственна, чем постоянные слезы, поэтому Юлиана заволновалась еще больше. Она ходила вокруг Королёвой и пыталась ее растормошить, вернуть в прежнее состояние. Регина сказала, что надо дать Гале время пережить горе, и Юлиана оставила подругу в покое.

Юлиана и сама была не в лучшей форме – помимо грусти из-за смерти Василия и переживаний за подругу, у нее появился страх в одиночку ходить по улице, особенно если было темно. Она перестала задерживаться на работе, сразу после окончания трудового дня бежала домой. Несколько раз, когда становилось совсем невмоготу, Юля брала отгулы, стараясь поддержать подругу и продержаться самой. Тогда они с Королёвой долго пили чай, сидя на кухне и разговаривали. Казалось, подруги стали еще ближе. Горе сплотило их.

Абрикосов перестал пить и вышел на работу.

– Я понял, что если не остановлюсь, ничем хорошим это не закончится, – признался он. Они сидели за столом на кухне. Юлиана залила чай кипятком из только что закипевшего

чайника и поставила френч-пресс на середину стола. Слава достал из холодильника шоколадку и на секунду замер.

– К тому же мне нужна свежая голова, – Абрикосов с хрустом разломил шоколадку на несколько кусочков и только после этого принялся вскрывать упаковку.

– Молодчина, – похвалила его Юлиана, опуская пресс и разливая чай по кружкам, – надо держаться. У тебя такая работа, что голова действительно должна быть в порядке.

– Да, но дело не в работе, – Слава отхлебнул зеленый чай из кружки с рыбками на боку и запихнул в рот огромный кусок шоколада. – Мне надо найти Васиного убийцу.

Он сказал это так буднично, повседневно, что до Юлианы не сразу дошел смысл его слов. Она вытащила из упаковки кусочек шоколадки и разломил его пополам. Одну часть отправила в рот, а другую вернула обратно. И только потом повернулась к Абрикосову.

– Подожди, Слава. Ты говоришь странные вещи. Ты что, сыщик или, может быть, супермен? Как ты, обычный человек, сможешь это сделать? Пусть преступление полиция расследует.

– Я полиции не доверяю. У нас в депо крутится один малолеток в погонах, вынюхивает, выспрашивает, а толку ноль. Ничего они не найдут, потому что это сделал кто-то из наших. В депо посторонних не пускают, тем более к поездам. Доступ к путевым шаблонам тоже только у своих. Это не пьяные выходы хулиганов или наркоманов. И не случайное происшествие. Его били, Юлиана, понимаешь, били долго, пока он не умер.

В глазах Абрикосова появились слезы. Юлиану передернуло.

– Ты сама вспомни, Васька нам рассказывал недавно. Кто-то закрыл тормозной кран. Ему по-настоящему повезло, что он тогда не погиб. А еще...

– Белый седан, – догадалась Юля.

– Да, белый седан. Мне тоже кажется, что все это звенья одной цепи. И Галке угрожали. Помнишь, эсэмэску, где ее грозились убить? Галка сразу удалила сообщение, а надо было оставить, сейчас хоть номер проверили бы.

– Ничего бы ты не проверил, – Королёва тихо пробралась в кухню и присела на табуретку. – Со своего номера никто такие сообщения писать не будет. Я, кстати, сегодня еще одну получила. Слова другие, но ощущение, что пишет их один и тот же человек.

– Покажи, – попросила Юлиана, – эту ты, надеюсь, не удалила.

– Не удалила, – ответила Королёва, доставая телефон, – тебе оставила. На, полюбуйся. А номер вне зоны действия сети, я сразу проверила.

Юлиана взяла из рук подруги телефон и прочитала вслух:

– «Ты дрянь, и я тебя ненавижу». Да уж, вполне определенно.

– А текст прошлого сообщения не помнишь? – спросил Абрикосов.

– Я не помню все слова, но про убийство точно было, – Галка вздохнула и полезла в шоколадную обертку. Там она тщательно изучила все кусочки, выбрала тот, в котором было больше всего орехов, и стала медленно его обкусывать.

– Мне вообще-то вам кое-что рассказать надо, – Королёва нерешительно замолчала и отложила шоколадный кусок. – Только не знаю, с чего начать.

– С сути давай, – Юлиана с жалостью посмотрела на подругу.

Галя никогда не была такой нерешительной.

Да, после того, как Вася погиб, она стала замкнутой, закрытой, ушла в себя. Она перестала пользоваться духами и косметикой. Привычные юбки сменились джинсами. Юлиана за время «мини» успела забыть, что брюки, тем более джинсовые, когда-то присутствовали в Галкином гардеробе. Ей было больно смотреть на подругу, хотелось, чтобы она вновь стала прежней Королёвой, беззаботно перешагивающей все проблемы в коротком леопардовом платье, плюющей на любые жизненные неурядицы.

Но оказалось, что есть проблемы, через которые не перепрыгнешь, и неурядицы, на которые не махнешь рукой. Галка должна пережить свое горе, научиться принимать его, смириться с утратой.

– Галь, что-то еще случилось? – Слава тоже с интересом смотрел на Королёву. —Тебя кто-то обидел?

Та немного помолчала, словно подбирая слова или собираясь с духом, побарабанила по столу кончиками пальцев, а потом выпалила:

– Я беременна.

– Что-о-о?! – вскричала Юлиана. – Когда ты успела? От кого?

Абрикосов потрясенно молчал, только таращил на Галку и без того большие глаза.

– От кого от кого, – поморщилась Королёва, – от Васи, конечно. Я сначала перебои с циклом списала на нервы – всякое бывает, знаешь, но потом подумала, что дело может быть не только в этом, и сделала тест. Да я как-то по-другому себя чувствовать стала, одежда начала поджимать в районе живота.

– Какого живота? – спросила Юля, оглядывая идеальную Галкину фигуру. – Нет у тебя никакого живота!

– Живота нет, а одежда тянет, – упрямо сообщила Галя. Карие глаза чуть заметно блеснули, руки задержались чуть ниже пупка, и Юлиана заметила, что пуговица на брюках растегнута.

– И что теперь? – раздраженно поинтересовалась Юлиана, тщетно пытаясь скрыть волнение.

– А что теперь? – невинно отозвалась Галка. Ее умение «включать дятла», как называл это состояние Абрикосов, порой доводило окружающих до иступления.

– Что делать будешь, Галя? Это же не... не... – Юля попыталась подобрать подходящее сравнение, но ничего, кроме «не ведро картошки купить», в голову не пришло. Она беспомощно посмотрела на Абрикосова, но тот молчал. – Ну скажи хоть что-то, а?

– Юль, я беременна, и Васи больше нет, – опять повторила Королёва и заплакала. Юлиана обняла подругу. Она не могла подобрать нужных слов, поэтому просто гладила ее по спине. Абрикосов налил в кружку воды, поставил перед Королёвой. Галка взяла ее обеими руками и сделала глоток.

– Я буду рожать, – твердо проговорила Галя. – И не смей меня отговаривать!

– Ты все же еще подумай, – осторожно произнесла Юлиана. – Мне кажется, что ты пока не совсем понимаешь, на что решилась. Это же ребенок, целая жизнь.

– Но это Васин ребенок, – возразил Слава.

– Слав, это теперь не Васин ребенок. Он твой, Галя, – Юлиана повернулась к Галке, – и тебе с ним жить! Ухаживать, кормить, поить, одевать, делать уроки, ну... я не знаю, что еще с детьми делают!!! Как ты будешь за него отвечать, если ты и сама еще дитя?!

– Буду я его кормить, – пылко воскликнула Галка, – и поить, и отвечать за него буду, какие проблемы!

– Галь, это же не ведро картошки купить! – в отчаянии заорала Юлиана, забыв про неуместность сравнения.

Королёва засмеялась и вскочила с кресла, ловко освобождаясь из плета. Она подбежала к подруге, легонько три раза стукнула ее указательным пальцем в висок и сказала:

– Юль, ты, по-моему, немного ку-ку!

И пулей вылетела из комнаты.

– И еще кое-что...

Дверь, только что закрывшаяся за Галкой, снова открылась.

– Что? – спросила Юлиана, не ожидая ничего хорошего.

– Я согласна с Абрикосовым. Убийцу моего Васи надо найти.

«Тяжелая ситуация, – подумала Юлиана. – Галку «несет». Сначала погибает Василий, теперь вот случилась эта беременность. Конечно, Галя хочет оставить малыша, ведь это память о Васе. Ее желание естественно – оставить хоть что-то, что будет напоминать ей о любимом. Она думает, что от этого ей станет легче, хотя на самом деле это не так. В конце концов, это он умер, но она-то жива. И весь вопрос в том, как она будет жить дальше. Надо просто немного подождать и опять поговорить с ней, пока еще есть время».

– Что думаешь? – голос Абрикосова заставил ее вздрогнуть.

– Не знаю, Слава. Очень неожиданно это. И страшно. Его смерть, конечно, все перевернула с ног на голову. Но как бы то ни было, я Королёву не брошу. Галка для меня больше, чем подруга. Она, скорее, сестра.

– Знаешь, что я понял? Что времени у меня осталось мало. А так много хочется успеть, не прожить зря. И друзей надо беречь. Не жалеть добрых слов, не забывать поздравлять с праздниками, не откладывать встречи на потом. Потому что потом может и не наступить. Это банальная, прописная истина, но я ее сейчас ощущаю очень остро. А по поводу ребенка Галя сама должна решать, – сказал Слава, – она же мать. Ладно, сестренка, пошел я на работу собираться.

– Давай, братишка, – натянуто улыбнулась Юлиана, – береги себя.

«А ведь он прав, – подумала Юлиана, когда за Абрикосовым закрылась дверь, – все может случиться. И мои планы, мечты останутся только в мыслях. Напишу Артему и назначу ему встречу. Хватит бояться. Нужно действовать. Ведь другого шанса может и не случиться. Жизнь очень коротка. Швартовы, что надежно держат нас у причала, могут лопнуть, и тогда судно, такое устойчивое, крепкое и защищенное, опрокидывается. Оказывается, нити, что держат нас на плаву, легко порвать. Значит, нужно не бояться создавать новые. Или вытаскивать из глубоких пыльных сундуков памяти старые канаты, чтобы натянуть их вновь».

Глава 4

Бывает, долго не можешь определиться, как правильно поступить. Мучаешься, раздумываешь и, в конце концов, так и не делаешь нужного шага. Иногда же решения даются легко. Они не всегда верные, но и последствия этих поступков, как правило, переживаешь проще.

Поначалу Юлиана восприняла настороженно, даже недоверчиво идею Абрикосова самим искать убийцу Василия.

– Глупость ты задумал, Славка, – выговаривала она ему, сидя на диване в гостиной.

– Почему? – Абрикосов, обожающий все, что связано с автомобилями, пересматривал «Форсаж». Юлиана видела, что ему не хочется разговаривать на эту тему, он ждет поддержки, одобрения, а уж никак не нотаций и сомнений.

– Никто тебе ничего не скажет, только время потратишь и нервы.

– Зря ты не веришь в меня, – вяло возразил Абрикосов, наблюдая за напряженной лысиной Вин Дизеля. – Галя, в отличие от тебя, меня понимает!

Юлиана не ответила. Что толку надрываться, если он все уже решил.

«Галка, конечно, в своем репертуаре, – думала Юлиана. – Вечно ввязывается в какие-то авантюры. Если бы я ее не тормозила, она давно уже без башки осталась. Теперь еще один товарищ рискованный появился. И что мне с ними делать?»

Из кармана раздалась телефонная трель.

– Легка на помине, – проворчала в трубку Юлиана, – Королёва, ты где пропадаешь?

– Юля, я, кажется, видела тот белый седан, – горячо зашептала в ответ подруга. – Мне страшно. Они убили Васю, а теперь, похоже, пришла моя очередь. Забери меня отсюда, пожалуйста.

– Где ты? – Юлиана взволнованно вскочила с места. Слава оторвался от фильма и уставился на девушку.

– Около депо, я здесь возле забора сидела, а потом пошла чаю купить, потому что замерзла, и увидела его. Мне кажется, это он за мной следит!

– Кого его? Кто за тобой следит?

– Я не знаю, там была белая машина, а водителя я не рассмотрела.

– Так, быстро иди в людное место, – приказала Юлиана, – лучше в кафе. Мы с Абрикосовым сейчас тебя заберем.

Ребята быстро собрались и отправились спасать подругу. Юлиана подозревала, что Королёва перегибает палку, но бросить Галю одну в слезах она была не в состоянии. Так рассудительная мамочка жалеет плачущего над ерундой ребенка, понимая, что для него это действительно важно. Однако девушка даже не подозревала, какую глупость учудила подруга.

Через два часа они вернулись домой. Слава и Юлиана возмущенно переглядывались, взъерошенная Галка стыдливо молчала.

Оказалось, Королёва в очередном безрассудном порыве отправилась в депо. Естественно, туда ее не пустили, но Галя никогда не искала легких и, главное, безопасных путей. Она решила отыскать какую-нибудь дырку в заборе и пробраться на территорию, чтобы найти место, где убили Васю. Или подсмотреть через ограждение. Проникнуть в депо не удалось, и она устроилась за гаражами возле щели в бетонном заборе с облупившимися бестолковыми граффити. В конце концов Королёва замерзла и решила бросить свой пост ради кружки горячего чая. По дороге в привокзальное кафе она заметила машину, подозрительно похожую на ту, что чуть не сбила Юлиану с Василием, и испугалась.

Когда Юлиана узнала подробности Галкиного путешествия, то орала так, что, казалось, в машине лопнет лобовое стекло. Идея была откровенно глупая, даже Абрикосов не смог ничего на это возразить. Он только морщился, словно от зубной боли, и крепко держался за руль.

Юлиана была очень зла. Высказав все, что думает, она замолкла, твердо решив не говорить больше ничего. Но уже дома, глядя как Галя, обхватив огромную кружку, сжимается в комок в углу кухни то ли от страха, то ли от холода, она поняла: убийцу Василия нужно найти. Только тогда Королёва успокоится, перестанет вздрагивать от телефонных звонков, бояться каждой белой машины и, наконец, прекратит лазить по сомнительным местам.

– Галь, пообещай, что больше не будешь делать таких глупостей! – Юлиана строго посмотрела на подругу.

– Юль, прости, – Королёва заплакала. – Я не знаю, что делать. Не могу я уже жить как раньше. Спать, есть не могу, все время думаю о Васе.

– Я тоже о нем думаю. И Слава, – Абрикосов утвердительно кивнул, – и Регина. Все мы думаем о Васе. Но это не значит, что надо рисковать еще и своей жизнью.

– Хорошо, я обещаю, что буду осторожной, – Галя всхлипнула, по-детски вытирая слезы кулаком, – но вы должны тоже пообещать, что сможете найти убийцу!

– Обещаю! – громко выкрикнул Абрикосов, и Юлиана скривилась.

«Похоже, – обреченно подумала Юлиана, – это единственный способ вернуть ее в нормальную, привычную жизнь».

На следующий день Абрикосов попросил Юлиану, ничего не говоря Королёвой, поехать с ним к Болтушину.

– Понимаешь, – пояснил Абрикосов, усаживая Юлиану в салон своего старенького потрепанного «гольфа», – Гале не надо с этим связываться, все-таки беременная женщина.

– А нам с тобой надо, Слав? – серьезно спросила Юлиана.

– Надо, – просто сказал Абрикосов. – Давай хотя бы попробуем, в конце концов, мы же ничего не теряем.

– Ладно, – согласилась Юлиана. – Я уже поняла, что выбора нет. Галка точно не успокоится, но у меня, в отличие от нее, хоть чувство самосохранения осталось.

Абрикосов хмыкнул и повернул ключ зажигания. Двигатель загудел, зафыркал. Юлиана от холода передернула плечами и поглубже закуталась в пуховик.

– Почему ты хочешь поехать именно к Болтушину? – спросила она. – Мне он показался очень несерьезным товарищем. Может, лучше с Федором поговорить?

– А я с ним каждый день разговариваю. Федя ничего не знает. Он лишь только вспомнит, как Васю увидел, и ему сразу плохо становится. А Мишка известный сплетник. Кроме того, он наблюдательный, от него ничего не укроется. И любопытный до ужаса.

– Про любопытство я уже поняла, – Юлиана припомнила, как Михаил на дне рождения Регины расспрашивал ее об отношениях с Василием.

– Вот-вот, – подтвердил Абрикосов. – Он, может, что-нибудь интересное нам и расскажет. Кстати, Федор про тебя спрашивал. Ты там не передумала на его счет?

– Нет, Слав, мне бы с прошлым своим разобраться. Федор сейчас мне совсем некстати.

Абрикосов резко вывернул руль, и машина свернула в узкий проем двора. Из-под автомобиля послышался ошутимый хруст, и Юлиана встрепенулась.

– Что это?

– Шрусы пора менять, – пояснил Слава. – Они давно начали трещать, а у меня все руки не доходят в сервис ее отвезти.

– Смешное название, – улыбнулась Юлиана, – так не опасно ездить?

– Не переживай, скоро отремонтирую. Смотри, он живет в этом доме, – Абрикосов кивком указал на старую панельную пятиэтажку.

Перед зданием было полно машин, и Славе пришлось долго кружить по тесным дворам, подыскивая подходящее место. В итоге машину оставили в соседнем дворе, что изрядно разозлило Абрикосова. Когда Юлиана со Славой подошли к подъезду, небо затянуло грязно-серые тучи, из которых накрапывал мелкий неприятный дождь.

– Готова? – спросил Слава и после того, как Юлиана кивнула, набрал комбинацию цифр на домофоне.

Сейчас, в домашней обстановке, Болтушин выглядел куда более деловитым и обстоятельным, чем тогда, на дне рождения Регины.

– Славик, о чем ты хотел поговорить? Я по телефону так ничего и не понял. Только давайте быстрее, – попросил он, – жена скоро приедет, а мне еще кое-что сделать надо и на работу убегать.

Они уселись в крохотной проходной комнатенке, которая, очевидно, служила гостиной. Старенький диван был застелен древним покрывалом с оленями – Юлиана видела точно такое же много лет назад у одноклассницы, и оно уже тогда смотрелось раритетом. Хотя она, детдомовская девочка, и на этот незамысловатый атрибут неказенной жизни, смотрела с завистью. Напротив дивана неуверенно стоял немного почерневший от времени сервант с книжками на боковых полках и старомодными бокалами, со вкусом расставленными за чуть помутневшим стеклом.

Абрикосов не стал юлить.

– Миш, ты не знаешь, кто на Васю мог зуб иметь?

Михаил помрачнел.

– Ах, вот о чем ты... Не знаю, Славка, я ничего такого не слышал. Вообще он хороший мужик был, Васька-то. Ума не приложу, за что его можно возненавидеть. Единственная ссора, о которой я знаю, была с Катькой. И они после нее расстались, полгода уже прошло.

– Что за Катя? – спросила Юлиана у Абрикосова.

– Они с Васей встречались пару лет, – пожал плечами Слава. – Расставались сложно, она никак не хотела его отпускать. Но Катя тут точно не при чем.

– Она сначала за Олегом Дороховым, мужем Регины, бегала, – Болтушин снисходительно посмотрел на Абрикосова и понимающе улыбнулся. – Помню, мы с Ромой Малюковым тогда Регину о ней предупреждали. Она еще посмеялась, сказала, что мужик не коза и если он сам не захочет, то никакая баба его не уведет. Так и получилось. Поэтому когда у Кати с Олегом не вышло ничего, Катя на Васю переключилась.

– Подождите, – Юлиана вскочила с места и повернулась к собеседникам, – но ведь Региного мужа убили.

– Убили, – подтвердил Михаил, – только это давно было.

– И что? – не понял Абрикосов.

– А то! Эти два убийства могут быть связаны, – объяснила Юлиана. – Что, если эта Катя так отреагировала на отказ?

Абрикосов тоже вскочил и принялся размашисто вышагивать по комнате.

– Вообще-то девушка права, – вмешался Болтушин, – говорят, Катя после разрыва с Васей уволилась, все отношения с общими друзьями разорвала. Нормальный человек так бы не поступил. Подумаешь, с парнем поругались. А она, видать, по серьезке расстроилась. И никто еще не знает, как на нее отказ Дорохова повлиял.

– Я в это не верю, – Слава замотал головой. – Ты бы видела Катю – маленькая, худая. У нее сил не хватило бы справиться со здоровым мужиком! К тому же, если она уволилась, то как проникла на территорию депо? У нас ведь пропускной режим. И вообще, неужели вы думаете, что за это можно убить?

– А за что можно убить? Какие еще мотивы для убийства ты знаешь? – вопросом на вопрос ответила Юлиана. – Деньги да любовь. Наверное, еще месть. Больших денег, как я

понимаю, ни у Васи, ни у Олега не было. И я не знаю, что Вася такого мог сделать, чтобы ему кто-то решил отомстить. Про Олега ничего сказать не могу. Остается любовь, все логично.

– Про Дорохова я могу рассказать, – Болтушин, подавшись общему порыву, тоже встал с дивана. В отличие от Абрикосова, Михаил ходил медленно, будто прогуливаясь. – Он психованный был, орал постоянно. Чуть что не по его, так он в матюки. Мы к нецензурной брани, так сказать, привычные, но иногда обидно становилось. Я ему как-то говорю: «У тебя в бортовом журнале замечание не отработано». А он мне – ты, говорит, помогало, меня, машиниста, учить собрался? Сам разберусь, а ты иди, тормоза дои.

– Что с тормозами делать? – переспросила Юлиана. – Доить?

– Профессиональный сленг, не бери в голову, – отмахнулся Абрикосов.

– И не дружил он, мне кажется, ни с кем, – продолжил Михаил, в то время как Абрикосов все больше мрачнел. – Даже Регина, думаю, хоть и тяжело ей пришлось, с облегчением вздохнула, когда его не стало.

– Болтушин, ты говори, да не заговаривайся! – повысил голос Абрикосов. – Подумаешь, послали тебя: ну, может, не в настроение попал, а ты сразу выводы такие делаешь, да еще про жену...

Помощник машиниста недовольно зыркнул, плюхнулся на покрывало с оленями и обиженно проговорил:

– Я выводы, Слава, не только из этого случая сделал, ты с Олегом в паре не работал, поэтому знать не можешь. Он, между прочим, не одного помощника сменил, психологическая, так сказать, несовместимость каждый раз случалась. И со мной, кстати, в том числе. Можешь у Ромки Малюкова спросить, просто так бригаду расформировывать не будут.

– Вы с Олегом тоже в одной бригаде работали? – спросила Юлиана.

– Работал, – Михаил вызывающе посмотрел на хмурого Абрикосова, а потом повернулся к девушке, – но не долго.

– Может быть, все же вспомните, какие-то ссоры или просто напряженные моменты, связанные и с Василием, и с Олегом?

– Девушка, я на своем месте проработал не один год, знаю, что такое железная дорога. Тут такие истории случаются, что поверить сложно. И, кстати, что такое «просто плохое настроение» тоже, так сказать, представить могу. И не обижаться на это я в состоянии. Все мы, так сказать, люди. Вася нормальный мужик был, а Олег тварь. Но что у них общего, кроме Катки, я не знаю.

Абрикосов упрямо молчал, глядя в одну точку, и Юлиане снова пришлось прервать неудобную затянувшуюся паузу.

– А что за истории у вас случались?

Слава раздраженно отвел глаза.

– Ты, Славка, глазами не зыркай. Как будто сам не знаешь, как это бывает. А историю расскажу тебе, – он повернулся к Юлиане, – мистическую.

– Какую историю? – удивилась Юлиана. – Что мистического может быть в работе железнодорожника?

– Это случилось не со мной, но рассказываю со слов, так сказать, очевидцев. У меня в этой бригаде друг работал, царствие ему небесное. Сбили они, значит, паренька молодого. Тормоза сработали вовремя, но из-за того, что скорость состава была высокой, случилась авария. Перепугались, конечно, но по инструкции пошли проверять. Оказалось – насмерть, сделать ничего было нельзя, поэтому они его за габарит пути убрали, сообщили кому надо и уехали.

Юлиана вспомнила разговор с Василием на дне рождения Регины. Тогда ее шокировало, что машинист должен продолжить путь, если пострадавшему нельзя помочь. Сейчас она сдержала эмоции, однако внутренне сжалась. Может, это правильно с точки зрения логики, но по-человечески такой подход принять трудно.

– А дальше? – Абрикосову, по-видимому, надоело бессмысленно дуться, и он включился в беседу. – В чем мистика?

– Мистика, Слава, в том, что после этого случая машина, сбившая парня, перестала трогаться с этой платформы. Поезд, совершенно исправный на вид, прибывает туда, а отправиться не может, машина наотрез отказывается ехать. Ситуацию спасал только сбор аварийных схем тяги.

– А что такое... – начала было Юлиана, но наткнулась на недовольный взгляд Славы и осеклась. Какая, в сущности, разница.

– Так не бывает, – безапелляционно заявил Абрикосов.

– А ты что же, не слышал историю-то эту, а, Славка? – спросил помощник.

– Нет, – помотал головой Абрикосов.

– Так ты, наверное, тогда не работал еще. И штука в том, что с других станций и платформ машина отправлялась совершенно нормально, а на этой постоянно история. Среди бригад тогда бытовало мнение, что она проклята, боялись на ней ездить. И мы, кстати, в том числе.

– И что в итоге, сняли проклятье-то? – нетерпеливо, но подчеркнуто небрежно спросил Абрикосов.

– Сняли, – улыбнулся Михаил. – В конце концов к нам в депо работать пришел приемщик, Ванька Коленков. Руки золотые.

– Да, помню его, – одобрительно кивнул Слава, – он уже, по-моему, на пенсии?

– Ага, в прошлом году проводили. Посмотрел он на замечания по ремонту машины и увидел комментарий: «При отправлении с такой-то платформы в сторону Москвы не собирается схема тяги». Заинтересовался. Ему и рассказали всю историю, а он говорит: «Не верю я ни в какую мистику». И пошел разбираться. Рассмотрел детально – все хорошо, но поезд по-прежнему со станции той не отправляется.

Юлиана представила маленького дотошного мужичонку в засаленной оранжевой жилетке, которого, в отличие от остальных, не впечатлила история про проклятье, и он начал разбираться. Из принципа. Потому что если машина должна работать, значит, так и должно быть, и никакой тебе мистики-дуристики.

А Болтушин тем временем продолжал.

– Он не поленился, поехал на место...

– Ладно, Миша, не томи. В чем дело-то оказалось? Или ты хочешь убедить нас, что привидения существуют? – Абрикосов вновь перебил неторопливый размеренный рассказ, и Юлиана ткнула друга в бок – зачем обижать человека?

К тому же ей было действительно интересно.

– Существует много платформ под наклоном, ну ты знаешь, – Миша немного виновато, словно извиняясь, посмотрел на Славу. – Оказалось, что при том угле наклона, что имеет платформа, просто отходил провод, который участвовал в сборе схемы тяги электропоезда. Из-за наезда произошел достаточно сильный удар по локомотиву, и провод сместился. Так что никаких привидений. Понятно? – немного назидательно закончил он.

– Угу.

– Ладно, ребят, истории историями, я говорил, что времени у меня не много, так что давайте, так сказать, в другой раз.

– Он нас выгнал, потому что ты на него бычиться начал, – сказала Юлиана Абрикосову, когда они выходили из подъезда.

– И пусть. Все равно он ничего толкового не рассказал. Истории он, видите ли, мистические знает! Ну не могла Катя это сделать. Я же ее знаю, она хорошая девчонка, хоть и с закидонами маленько.

– Вот поэтому я и говорю, что расследование – это глупая затея, – Юлиана не успевала за Абрикосовым, который отмерял расстояние до машины огромными раздраженными шагами, так что говорить приходилось ему в спину. – Ты не можешь мыслить здраво, когда дело касается твоих друзей и знакомых. Потому что подозревать их очень неприятно.

– Еще больше неприятно – знать, что твоего друга убили, и не знать, кто это сделал, – не останавливаясь, огрызнулся Абрикосов.

– Значит, надо быть беспристрастным. Насколько это возможно. Сам подумай, все сходится. Катя узнала, что Василий нашел ей замену, и разозлилась. Похоже, у мадам не все в порядке с головой, потому что до этого она убила Олега Дорохова из-за того, что и он отказал ей. Вспомни, какие сообщения приходят Королёвой. Может быть, теперь и Галя в опасности. Надо с этой бывшей поговорить. Ты сможешь с ней связаться?

– Знаешь, сестренка, – они подошли к машине, и Абрикосов открыл водительскую дверь, – для человека, который вообще не хотел разбираться, ты слишком настойчива.

– Да ну тебя, – Юлиана отвесила Абрикосову шуточный подзатыльник, открыла дверь и уселась на затертое сиденье. – Давай, заводи коня, только не угробь меня своими хрустящими шрусами-трусами.

– Не бойсь, – парировал Слава, – домчу до дома с ветерком. Ты мне лучше вот что скажи: что мы Галке будем говорить?

– Все как есть, – подумав, ответила Юлиана. – Рассказы о бывшей Васиной девушке ее, конечно, вряд ли порадуют. Но если она решит, что мы ничего не делаем, то опять начнет что-нибудь предпринимать, а это чревато.

В квартире пахло гарью. Галка рыдала, сидя на табуретке перед плитой, а в воздухе клубился туман. На сковороде угрюмо лежали шесть круглых угольков.

Юлиана бросилась открывать окно.

– Галя, что случилось? – вытаращив глаза, спросил Абрикосов.

– Я хотела пожарить котлеты, – всхлипнула Галя, – но отвлеклась, и вот что получилось. – Она с тоской посмотрела на обуглившуюся сковороду и вновь уткнулась носом в ладони.

– Ладно, не горюй, – Юлиана обняла подругу, – сейчас проветрим кухню и сделаем омлет. Это, как показывает практика, вариант беспроигрышный.

– У меня что, руки из задницы растут, – Галка сильнее задышала ей в плечо, – почему у меня никогда ничего не получается?

– Ничего подобного, просто надо потренироваться. Помнишь, Регина обещала нас научить? Вот пойдем к ней и попросим научить делать котлеты. И не полуфабрикатные, а настоящие, из фарша. Договорились?

– Хорошо, – согласилась Королёва. – Только есть уже сейчас хочется.

– Тогда вперед, в холодильник за молоком и яйцами.

После нехитрого обеда дом затих. Галка вязала какое-то кривобокое полотно, неловко ворочая спицами. Абрикосов сосредоточенно собирался в рейс. Юлиана уселась на диван с книгой, но читать не смогла, ее отвлекали мысли о смерти Василия и другого, незнакомого ей машиниста.

– Галь, – позвала она.

– Ау, – отозвалась из комнаты Королёва.

– Я, кажется, догадываюсь, кто убил Васю.

Галя высунула любопытный нос из спальни и потихоньку, словно боясь спугнуть, подобралась к Юлиане и уселась рядом.

Девушка осторожно пересказала подруге сегодняшний разговор с помощником машиниста.

– Значит, эта Катя ненавидела Васю?

– Скорее, очень сильно любила.

– Это одно и то же. Я где-то читала, что любовь и ненависть – это эмоции одного порядка, и человек, который испытывает их, одинаково не может совладать с собой.

Юлиана удивленно посмотрела на подругу.

– Что, – взвилась Королёва, – не надо из меня дуру делать. Слава, а ты что думаешь?

Абрикосов не ответил. Он раздраженно смотрел на свое отражение в зеркале, хмурился и все поправлял воротник голубой сорочки.

– Слава, – позвала опять Королёва. – И хватит мацать рубаху, такими темпами ты на работу пойдешь уже с черным воротом, – Галка убрала руки от пуза, подошла к Абрикосову и одним движением одернула тугую полоску, обвивающую Славину шею.

– Не знаю, – Слава уселся под вешалку и уныло опустил голову. – Мне надо к Васиным родителям съездить, я его вещи отвезти обещал. Они у меня в машине лежат, думаю прямо сегодня после работы махнуть. Может, ты со мной поедешь, Галь? Заодно и про ребенка расскажешь.

– Не поеду я никуда, – Королёва упрямо отвернулась от Абрикосова. – Эта мамаша меня на похоронах так отбрила, что я к ней теперь на пушечный выстрел не подойду.

– Зря ты так, – возразил он, тяжело поднимаясь, – представляешь, каково ей, единственного сына потеряла. – Ладно, как хочешь, я тебя заставлять не буду. Спасибо за рубашку.

В депо Абрикосов, как обычно, приехал заранее. Только вот прежнего воодушевления работа больше не вызвала. Здесь все напоминало о Васе. В коридоре. В кабинете фельдшера или психолога, где Слава проходил необходимые проверки перед рейсом. У дежурного по линейному пункту, где он получал маршрутный лист и ключи от кабины и электрических шкафов. Везде, где бы он ни находился, каждая вещь, каждая трещинка на стене кричали о том, что он больше никогда не увидит друга.

Или, наоборот, казалось, что вот-вот Вася выйдет из-за угла вразвалку, как обычно, улыбочивый и немного смущенный. Скажет что-нибудь незначительное и пойдет по своим делам, например, получать допуск или сдавать журнал. А потом они встретятся дома, завалятся с ногами на диван и будут пить пиво и смотреть «Форсаж» или обсуждать девчонок, а может быть, начальство.

– Слава, – услышал Абрикосов тихий мелодичный голос, – у тебя время до рейса еще есть? Зайди ко мне.

Абрикосов очнулся от мыслей и осторожно заглянул в открытую дверь. Седовласая Римма Ивановна, которая так не понравилась Юлиане, восседала за огромным столом. Она заполняла собой весь кабинет. Строгий порядок, вещи – каждая на своем месте. Даже цветы на подоконнике, казалось, росли каким-то особенным строем.

– Что случилось, Римма Ивановна?

– Ничего, – словно немного удивилась она. – Увидела, как ты идешь, и решила окрикнуть. Ты как? Держишься?

– Хреново, – признался Абрикосов, плюхаясь на стул для посетителей, – все думаю, кто это мог сделать с Васей.

Римма проникательно глянула на него и закивала.

– Здесь только свои, ты же понимаешь.

– В том-то и дело. Оттого и хреново, – вздохнул он.

– Его обязательно найдут, – Римма подалась вперед, твидовый костюм при этом пошел некрасивыми складками. – Железка, конечно, большая, но здесь каждый чих задокументирован, все рабочие контакты твоего Василия здесь, в папках, – она кивнула на стену, около которой высились четыре высоченных сейфовых шкафа.

– А если это личное?

– Ну и что же? – пожала плечами Римма. – Он ведь сюда работать приходил, значит, и общение у него было в рамках работы. Личное, оно ведь не на пустом месте выстраивается. Главное, не лезь на рожон. А то мне Михаил сообщил, что ты инициативу проявляешь, в расследование вмешиваешься.

– Михаилу бы язык оторвать его болтливый, – ворчливо произнес Абрикосов. Он оглянулся на шкафы, поднялся и подошел к одному из них. Дернул ручку – заперто.

– Смотри, чтобы тебе ничего не оторвали, – предостерегла его начальница и тут же смешила тему. – Я тебя, Слава в командировку отправлю, к соседям нашим.

– За что? – Абрикосов резко обернулся, забыв про шкаф.

Два депо располагались в трехстах метрах друг от друга. Локомотивное депо, в котором работал Абрикосов, отвечало за пассажирские поезда дальнего следования, соседи же в моторвагонном маялись на пригородных электричках. Машинистов всегда не хватает, поэтому сотрудников в рамках шефской помощи иногда командировали соседям.

– Знаю, что тебе тяжело, – продолжала она, – но мне больше нечем Василия заменить.

– А на мое место кого?

– Полунчикова. Я бы его отправила, но у него допуска нет.

– Ну Римма Ивановна, – заныл Абрикосов, – я только на нормальной машине закрепился, а вы меня на электронах остановки объявлять заставляете.

– Потерпи, Слава, найдем кого-нибудь, верну тебя обратно.

– Как же я это не люблю, – простонал Абрикосов, – особенно по утрам, когда народ так и норовит вывалиться из вагона на какой-нибудь станции. Ладно, пошел я, мне еще состав принимать.

– Поднимаю токоприемник, – произнес Слава в микрофон и вздрогнул: динамики многократно усиливали голос, и он показался сегодня совершенно чужим.

Эту машину Абрикосов любил – жаль, что придется ее оставить. Хотя Римма баба толковая. Если сказала, что найдет способ вернуть его, значит, так и будет.

Он сильно сдвинул виски кончиками пальцев и на секунду закрыл глаза.

– Надо собраться, – проговорил Абрикосов, – я сегодня слишком рассеян.

– Машинист не должен быть рассеян, – из-за двери раздался насмешливый голос, и в кабину заглянул Георгий, помощник машиниста, – потому что это опасно для жизни пассажиров, и не только.

– Что у тебя, Жора? – игнорируя реплику, спросил Слава.

– Ничего, – пожал плечами тот, – инструменты проверил, мехчасть тоже. Бандажи, буксы, подвеска – все по инструкции.

– Пескоподача?

Помощник машиниста укоризненно посмотрел на Абрикосова.

– В порядке. Можно выходить.

– Пока не можно, – огрызнулся Слава. – Я еще не закончил.

С Жорой Абрикосов работал уже два года, и не было случая, чтобы он пожалел об этом. Георгий был исполнительным и скрупулезным – не оставлял на потом то, что надо сделать сейчас, и не полагался на авось. Качества, необходимые для человека, от которого зависит, выйдет состав в рейс исправным или нет. Жора передернул плечом и сказал:

– Ладно, я пойду еще раз песочные трубы проверю.

И быстро испарился из кабины.

«Грубовато я с ним, – мелькнуло в голове у Славы, – да и пусть, не маленький, переживет».

Руки действовали автоматически, пошагово выполняя необходимые команды.

Заправить скоростемерную ленту.

Завести часы.

Заблокировать пульт управления.

Слава как мог старался быть собранным, чтобы ничего не пропустить, но мысли все равно возвращались к самой волнующей сейчас теме.

«Неужели убийца Катя? Они с Васей встречались больше двух лет, почти поженились, но потом что-то у них неожиданно разладилось. Конечно, это только домыслы, но и Юлиана права, ни у кого на лбу маркером не написано, что он убийца, да и ярлыка с надписью «хороший человек» он тоже никогда не видел. Надо вытеснить из головы эмоции, оставить только факты. Подозревать всех, без исключения, проверять все, что можно. До тех пор, пока эти факты, словно кусочки мозаики, не сложатся в картинку, с помощью которой станет понятно, кто же это сделал. Вот тогда точно станет легче. Не нужно будет оглядываться по сторонам, он, наконец, перестанет всматриваться в лица знакомых и коллег с подозрением.

Абрикосов взялся за телефон, быстро отыскал нужный номер и нажал на кнопку вызова. Нервный вздох, длинные гудки и короткое «да» на том конце. Черт, как же тяжело.

– Катя, привет, это Слава Абрикосов.

– Что тебе надо от меня, Слава? – он не стал обижаться на грубость, он знал, что девушке на том конце провода еще тяжелее, чем ему. Отношения Васи и Кати начались и закончились у него на глазах. И он помнил, сколько хорошего у них было, и от всей души жалел, что они расстались. Возможно, Абрикосов их расставание принял куда ближе к сердцу, чем сам Василий.

– Ты знаешь, что Вася погиб?

Тишина в трубке, звенящее молчание. Абрикосову в какой-то момент даже показалось, что Катя бросила трубку, но она ответила:

– Да. Но говорить о нем я не хочу. Ни о живом, ни о мертвом.

– Но это важно, – с нажимом сказал Абрикосов. – Как ты можешь так говорить, ты ведь любила его!

– У него подружка осталась, – жестко оборвала его Катя, – вот с ней можешь пообщаться.

Только тут Абрикосов разозлился. Можно как угодно относиться к человеку, любить его, бояться, презирать или ненавидеть. Если он жив. Можно закрыть перед его носом дверь или добавить номер его мобильного в черный список контактов. Но смерть может и должна все изменить. Она сама по себе слишком категорична, чтобы оставить человека равнодушным. Она – повод переосмыслить отношение, отставив интересы и обиды в сторону.

– А об Олеге Дорохове? – его голос прозвучал громко, едко, с усмешкой.

Но Катя была непреклонна.

– И о нем не хочу. Я знаю, что вы все считаете меня глупой и заикой, но это не важно. Для меня их смерти ничего не поменяли. И не звони мне, пожалуйста, больше.

«Что ж, эта неудача была предсказуема. Но и она абсолютно ничего не доказывает, Катя Жданович всегда была ранимой. Плохо, конечно, что для нее обиды стали важнее всего прочего. Я ничего от нее не узнаю, значит надо придумать что-то еще».

Абрикосов выдохнул.

«Ладно, пора работать. Как говорится, я подумаю об этом завтра. А может, девчонки что подскажут, им, скорее всего, проще понять женскую логику, чем мне».

Дверь в кабину машиниста скрипнула.

– Жор, я закончил, – отпрапоровал Слава, смягчая недавнюю грубость, – ты тоже все?

Слава собирался повернуться к помощнику, но тут на его затылок обрушился удар такой мощи, что Абрикосов со всего размаха угодил лицом в пульт управления. Колени соскользнули с неудобного сиденья. Кажется, из носа потекла кровь, потому что перед глазами замаячили красные разводы. Абрикосов дернулся, чтобы встать или хотя бы повернуться, но колени отозвались такой сильной болью, что его усилие не принесло никаких результатов.

Через секунду он понял, что кто-то накинул ему на голову железнодорожную спецовку и стальными руками сдавливает горло. Слава почувствовал, что сейчас отключится, но запах креозота вонзился в ноздри, словно нашатырь.

Слава снова дернулся и закричал. Вместо крика на волю вырвался лишь хрип. Слава извивался, но, похоже, делал только хуже. Его голова была туго прижата к телу нападавшего. Стул машиниста, крепко прикрученный к полу кабины, уперся ему в правый бок, сиденье давило на спину, не давало возможности подняться. Оранжевый цвет спецовки сменился синим, потом черным и почему-то розовым. Слава сделал последний вздох, и все пропало.

Очнулся Абрикосов на полу. Рядом суетился фельдшер, Жора стоял в углу кабины и тербил темно-синий форменный галстук. Слава сглотнул и попытался подняться. Горло отозвалось протяжной болью, и Абрикосов с глухим звуком плюхнулся на грязный пол. Застонал. Вспомнил, что первый удар пришелся по затылку. Из темноты коридора выступил бледный Малюков.

– Ты поосторожнее. Лучше полежи, пока доктор тебя осмотрит.

– Что случилось? – прохрипел Слава.

– Мы у тебя спросить хотели, – тихо сказал Георгий. – Я вернулся с обхода, а ты лежишь на полу. Сначала подумал, что тебе плохо стало, а потом кровь увидел.

– Ты не видел, кто тебя приложил? – Малюков склонился над ним, пристально вглядываясь в его лицо.

– Роман Алексеевич, отойдите, пожалуйста, – фельдшер потеснил начальника, – дайте я ему раны обработаю. Слава, тебя не тошнит?

– Не-а, не видел, – Абрикосов отодвинул фельдшера и рывком сел. Голова закружилась, и Слава закрыл глаза. – Он со спины подошел, втащил мне, а потом сразу душить начал. А ты никого не видел? – обратился он к помощнику. Тот только пожал плечами.

– Не было никого. Роман Алексеич, а что с рейсом? Нам выходить через полчаса.

– Заменим, не волнуйся, сейчас...

Малюков принялся объяснять, как он нашел ему замену, но Абрикосов перестал его слушать. Голова гудела, в ушах стоял мерный шум, словно к ним прислонили по ракушке.

– Сейчас скорую вызовем, поедешь в травму, – слова фельдшера прозвучали глухо, словно он говорил через вату.

Ехать в больницу Абрикосов отказался. Пообещав начальнику, что непременно вызовет врача, под настороженным взглядом медика Слава вызвал такси и отправился домой. В квартире никого не было и Слава, радуясь, что не надо ничего объяснять девчонкам, улегся на диван.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.